

РЕЦЕНЗИИ

И. Лурье

НОВЕЙШАЯ РАБОТА О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЕГИПЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Pirenne Jaques, Histoire des institutions et du droit privé de l'ancienne Egypte, t. I: des origines à la fin de la IVe dynastie. Bruxelles, édition de la fondation égyptologique Reine Elisabeth. 1932. XII + 396 стр. и карты.

Разбираемая книга является первой из трех томов, которые все вместе охватывают Древнее Царство. Второй том будет касаться V дин., а третий посвящается, повидимому, VI дин. Уже первый том, как по своему характеру, так и по обилию заключенного в нем материала, заслуживает самого внимательного к себе отношения.

Автор — профессор Брюссельского университета по истории права, т. е. не специалист-египтолог, задался целью изучить древнеегипетские государственные установления и правовые нормы. И в этом направлении он сделал, несомненно, очень много. Прав поэтому J. Saraut, когда он в своем предисловии к работе пишет: „г. Пирэн, будучи введенным в египтологическую библиотеку, в специальных работах ученых нашел мир с такими обширными и разнообразными горизонтами, который сами ученые и не могли подозревать“ (стр. VIII—IX). Ведь, действительно, подавляющее большинство западно-европейских египтологов и не ставило тех общих вопросов происхождения и развития государства и права, которые решает Пирэн.

Первый том работы Пирэна делится на три части. Первая часть „От Истоков к Империи“ охватывает материал, относящийся по времени до I дин. В ней дана общая характеристика развития египетского общества от палеолита до неолита, дан процесс образования номов, отдельных княжеств и, наконец, двух царств: Верхнего и Нижнего Египтов.

Вторая часть „Империя — первые три династии“ коротко касается I и II дин., давая общий обзор объединения Египта и возникновения первых государственных установлений, и очень подробно разбирает государственные установления: управление, войско и правовые нормы времени III дин.

Третья и последняя часть первого тома касается времени IV дин., разбирая различные государственные установления, правовые нормы и положение знати. В этой части книги имеется большое количество приложений, специально посвященных выяснению значения различных званий.

Работа Пирэна покоится на громадном материале: он собрал все источники, относя-

щиеся к Древнему Царству, проделал большую работу по выяснению их датировки и, расположив весь материал в хронологическом порядке, попытался решить поставленную им перед собой задачу.

Однако Пирэн не дал удовлетворительного решения основным поставленным им проблемам, что, впрочем, не удивительно, так как центральным местом в его работе, от правильного понимания которого зависит истолкование остального материала, является вопрос о происхождении государства и классов, т. е. тот вопрос, который является камнем преткновения для всех буржуазных ученых. В такой исторической работе, где ученому приходится иметь дело даже не с фрагментами источников, а лишь с ничтожными пылинками их, — роль теории, освещающей мельчайшие факты и помогающей увязать их в единую сложную концепцию, особенно велика. Единственная теория, которая могла бы подсказать Пирэну правильные пути в работе — марксистско-ленинское учение о государстве — ему неизвестна.

Уже из приведенного выше перечня частей т. I видно, что по Пирэну путь развития Египта в эпоху Древнего Царства шел от общества, где нет социальных различий (время до I дин.) через империю (I—III дин.) к феодализму, причем этот переход от „империи“ к „феодализму“ Пирэн представляет в следующем виде „... чтобы воспрепятствовать образованию административной олигархии, царь создает придворную знать, которая обязана обслуживать его культ и пользуется поэтому привилегиями и бенефициями от жертвенных приношений; постепенно бенефиции распространяются с доходов должности на земли, выделенные царем из коронных владений; бенефиции входят в вотчину, должности, которые они сопровождают, становятся наследственными, и отныне царь дает в бенефиции жреческие обязанности. Но династическая реформа, совершенная великими царями строителями пирамид, сделала из самого культа источник царского могущества. Постепенно обязанности, жреческие и светские, объединялись в одних руках: глава царского культа в номе это губернатор, и царь не может отныне давать в виде бенефиции обязанности главного жреца нома, не передавая в то же время бенефицирующему управлению самого нома. Бенефиции распространились таким образом на общественные обязанности. Отсюда последовало, что управление номом стало наследственным, что понятие бенефиции перешло с обязанности управления на управляемую территорию. Отныне феодализм создан (разрядка моя. — И. Л.)... Эволюция, которую мы только что бегло описали и которая превратила Египет из империи в феодальное государство может быть прослежена

в каждом установлении и в каждом принципе частного права" (стр. 19).

Совершенно понятно, что такой процесс который описывает Пирэн, не может быть прослежен „в каждом установлении и в каждом принципе частного права“. Такая „закономерность“ развития общества, которую дает Пирэн, наглядно показывает, что для буржуазных историков совершенно чуждо понятие общественно-экономических формаций и что истинные пути формирования общества для них книга за семью печатями. Термины, которыми Пирэн определяет отдельные периоды истории развития египетского общества, напр., „империя“ или „феодализм“ в его представлении лишь обозначения, характеризующие ту форму государственной власти, которую он находит для той или иной эпохи. Ярким примером того, к чему приводит Пирэна полное незнание с марксистской теорией развития общества, может служить то, как им используется термин „феодализм“. Подметив в эпоху IV дин. в правовых и государственных установлениях черты сходства с теми, которые имеются в средневековых государствах, он объявляет это время феодализмом. В действительности же феодализм (понимая его как общественно-экономическую формацию) со всеми теми особенностями, которые отличают восточный феодализм, возник в Египте на почве разложения доклассового общества уже ко времени I дин. Однако даже в те времена, когда по его собственному мнению в Египте был феодализм, т. е. в IV дин. и сл., Пирэн не находит крепостных и считает, что все крестьяне были свободными (стр. 212).

Далее Пирэн пишет что в III дин., т. е. в эпоху „империи“, не существовало никакой знати, кроме царской семьи и что: „египетское общество III дин. не знало вовсе привилегированного класса“ (стр. 203), а раз не было привилегированного класса, то египетское общество было основано: „на демократических и индивидуалистических принципах“, и, следовательно, в Египте была „многочисленная и развитая буржуазия“. „И это, по нашему мнению, — пишет Пирэн, — вне сомнения“ (стр. 203).

Абсолютное непонимание истинной закономерности развития общества так очевидно в этих утверждениях, что нет никакой надобности заниматься их опровержением. Укажем лишь на то, что основная предпосылка этих утверждений — отсутствие в III дин. привилегированного класса — не соответствует истине. Потомки прежних владельцев округов и номов, конечно, сохранились, они составляли земельную знать, и из них (а не из несуществовавшей буржуазии, как думает Пирэн, стр. 204—105) формировались чиновничьи и придворные кадры. Эта земельная знать и представляла собою тот господствовавший класс феодалов, представителем интересов которых являлся фараон.

Мы, повторяем, не собираемся исчерпать все те ошибки, которыми изобилует работа Пирэна и поэтому остановимся лишь на одном еще моменте, который играет очень большую

роль в его работе. Мы имеем в виду все те построения, которыми Пирэн хочет доказать, что все боги, которые в религиозных представлениях древних египтян выступают в качестве древнейших царей страны, на самом деле ими и были. Тот, Гор, Сет, Осирис и другие боги в работе Пирэна рассматриваются, как некогда существовавшие вожди различных областей Египта, они ведут между собой войны, устанавливают законы и т. п. Что же касается Осириса, то Пирэн даже точно датирует его царствование: „оно должно быть принято, как более древнее, чем 4241“ (г. до х. э.) (стр. 67).

Пирэн не первый ученый, который видит в богах древнего Египта реальных людей — до него то же самое писал и К. Sethe в своей работе *Urgeschichte und älteste Religion der Ägypter*, Leipzig, 1930. Правда, в введении к ней К. Sethe сделал следующую оговорку: „Это личное мнение, которое само собой, разумеется лишь мнение правдоподобное или, по меньшей мере, вероятное. Кто этому не хочет верить — может не верить“ (стр. 2—3). К сожалению, Пирэн подобной оговорки не делает.

Если бы мы в этой части приняли концепцию Пирэна, то мы на одинаковом основании должны были бы счесть всех богов всяких иных религий, о земном существовании которых рассказывают не меньше деталей, чем о древне-египетских, реально существовавшими личностями.

Резюмируем: на те выводы, которые в своей работе делает Пирэн, полагаться нельзя, но в его работе собран огромный материал, и это сильно облегчает работу будущих исследователей процессов возникновения и развития египетского феодального общества.

С. Н. Быковский

П. ФЕДОСЕЕВ. КАК ВОЗНИКЛО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО. Партиздат, 1934 г. Стр. 63. Тираж 100000 экз. Ц. 30 коп.

Небольшая по объему брошюра П. Федосеева представляет собою опыт популярного изложения вопросов возникновения, развития и разложения доклассового, первобытно-коммунистического общества. Брошюра состоит из 5 глав: 1) древнейшие предки человека, 2) роль труда в происхождении общества, 3) современные австралийцы, 4) первобытный коммунизм, 5) разложение родового строя и заключения. В первой главе автор кратко характеризует остатки ископаемого человека, показывая путь превращения обезьяны в человека. Во второй главе объясняются условия очеловечения обезьяны, и дается характеристика древнейшего периода в развитии общества. Третья глава содержит изложение характеристики общественного строя, древнейшего по своей структуре, современного австралийского общества. Четвертая глава посвящена характеристике первобытного коммунизма в целом. В пятой главе автор показывает пути и условия разложения доклассового об-

щества. В заключении автор останавливается на вопросе уничтожения классовых различий и на задачах строительства социализма.

Опыт П. Федосеева популярного изложения названных вопросов отнюдь нельзя признать удачным. Не владея достаточно материалом, автор, очевидно, не обратился к помощи специалистов, консультация которых могла бы предостеречь его от ряда существенных ошибок и промахов.

Более или менее грамотно написана лишь первая глава, где в основном охвачены, насколько это возможно в кратком популярном изложении, основные факты находок остатков ископаемого человека.

Во второй главе автор обнаруживает весьма поверхностное знакомство с материалом, подчерпнутое, как видно из изложения, из буржуазных археологических работ, притом второстепенных, не основных трудов. Вслед за нижним палеолитом у П. Федосеева непосредственно следует верхний палеолит. Период, представленный вещественными остатками типа мустье, у него вовсе выпал. Между тем, памятники этого типа, при их рассмотрении, дают возможность выявить существенные изменения в характере общественного строя доклассового общества. По характеру и функциональному назначению мустьерских орудий можно говорить об оформившемся половозрастном разделении труда и половозрастной коммуне, которую автор относит к более позднему времени без всяких к тому оснований. Сколотую технику изготовления орудий (терминология В. А. Городцова) автор приурочивает к верхнему палеолиту, технику которого В. А. Городцов характеризует в качестве отжитой. „Не только основа камня, но и его осколки — пишет П. Федосеев, — становятся материалом для производства орудий“. Поскольку он следует терминологии В. А. Городцова, ему не мешало бы знать, что именно из „осколков“, а не из „основы“ изготовлялись сколотые орудия, в отличие от тесаных, нижне-палеолитических. Не в „период ориньяка“ намечаются формы орудий ножа, скребка и т. д., а гораздо раньше. Основные типы мустьерских орудий, вполне отчетливо различные, — острокопчик и скребок. Костяные орудия появляются не с „эпохи солютрэ“, как это утверждает автор (см. стр. 18), а еще в период существования мустье.

Очень поверхностное представление имеет автор о периодизации истории доклассового общества. Он говорит о двух периодах — первобытном стаде и первобытной коммуне (см. стр. 20). Наряду с этим делением он вводит понятие половозрастной коммуны (стр. 24—25 и др.), далее говорит о материнском и отцовском роде. Наряду с этим делением истории доклассового общества, П. Федосеев пользуется археологическим, говоря о периоде нижнего и верхнего палеолита, о периоде „ориньякской культуры“, „периоде культуры солютрэ“ и т. д. Археологические термины не пригодны для обозначения периодов в развитии самого общества: они могут характеризовать только последовательную смену

типов памятников, но не более. Нижний палеолит в целом не совпадает с периодом первобытного стада. Часть памятников типа ашель необходимо рассматривать с мустьерскими памятниками, притом опять-таки не с мустье в целом, а лишь некоторой его частью. Памятники этого типа представляют остатки древней половозрастной коммуны. Уже в период, представляемый верхне-палеолитическими памятниками, зарождается материнский род, который отнесен автором почему-то целиком к неолиту (см. стр. 36). Вместе с тем, автор не понимает, что термин первобытная коммуна равнозначен термину первобытный коммунизм. С этой точки зрения половозрастная и родовая коммуны одинаково являются первобытными коммунами. Ленин ввел (в письме к М. Горькому) термин первобытная коммуна в отличие от первобытного стада для того, чтобы терминологически подчеркнуть различие периода становления общества (первобытное стадо) и период его дальнейшего развития до возникновения антагонистического общества.

Автор неверно представляет себе собирательство первобытного человека, умаляя роль производительного труда на первых этапах доклассового общества. На стр. 18—19 он говорит о „собрании готовой пищи“. Между тем, древнейшее шельское орудие предназначалось для такого собирательства, которое было производительным трудом: шельским орудием, напр., выкапывались съедобные корни растений, т. е. пища вовсе не бралась „из природы“ в готовом виде.

Не зная достаточно австралийского материала, автор приурочивает в гл. 3 австралийцев к периоду половозрастной коммуны (стр. 25—26), приравнивая орудия австралийцев к „среднекаменному веку“, о котором, между прочим, в предшествующей главе ничего не говорит. Ему не мешало бы знать, что австралийцы знакомы уже и с полировкой камня, что указывает на признаки неолита. Вообще же, хотя австралийские общества и стоят на крайне низкой ступени развития общественного строя, их ни в коем случае нельзя ставить в один уровень с древними обществами, о которых мы судим по палеолитическим орудиям. Некоторое сходство отдельных форм их орудий с палеолитическими не дает никакого права говорить о сходстве общественной жизни соответствующих обществ. Отмечаемое на стр. 30 подчиненное положение женщины у австралийцев явно противоречит всем предшествующим рассуждениям автора.

По явному недоразумению П. Федосеев говорит на стр. 30 и 31 о групповом браке как о вероятной форме половых отношений у древних австралийцев: групповой брак, как древнейшая форма, не требует предположений — в его существовании на заре первобытного общества сомневаются лишь буржуазные ученые, фальсифицирующие материал.

Весьма смутное представление имеет автор о возникновении материнского и отцовского рода. Возникновение первого он связывает с началом земледелия и скотоводства. Это совершенно недопустимое упрощение. Вы-

свое положение женщины в первобытном обществе сложилось естественно, в силу равного с мужчиной положения в производстве. С развитием оседлости в ее зачаточной форме еще в период половозрастной коммуны, как об этом свидетельствуют памятники типа мустье, женщина приобрела огромную роль в домашнем хозяйстве, связанном с палеолитической стоянкой. Домашнее хозяйство явилось экономической основой этой роли и установления счета родства по женской линии. Первые одомашненные животные относятся ко времени позднего неолита и даже энеолита. Об этом ярко свидетельствуют в Западной Европе памятники типа швейцарских свайных построек, в Средней Азии — Анау, в Восточной Европе трипольские памятники, ямно-катакомбные сооружения Изюмщины (Украина), Федоровская стоянка (район г. Костромской губ.). Но это — период становления отцовского рода. С одомашниванием животных, с образованием в одних случаях стад, в иных — с применением животных в сельскохозяйственных работах, совершился тот переворот, который Ф. Энгельс приравнивает революции: возник отцовский род. До этого времени мужчина не „занимал в общественной группе господствующего положения“, как неверно на стр. 37 пишет автор.

Все отмеченные ошибки и другие более мелкие промахи автора, однако, уступают по своему значению грубейшей ошибке, которую автор допустил в главе о разложении родового строя. Существо дела заключается в данном случае даже не в том, что П. Федосеев не имеет понятия о действительном последнем этапе в развитии доклассового общества — о сельской общине, четко и красочно охарактеризованной Марксом и Энгельсом. Обращают на себя внимание „два пути“ разложения доклассового общества, намечаемые П. Федосеевым неизвестно на основании каких фактических данных. П. Федосеев спутал здесь вообще вопрос о рабовладельческом и феодальном вариантах разложения доклассового общества с вопросом о происхождении классов. Один из путей возможного образования, по П. Федосееву, антагонистического общества — превращение родо-племенных вождей в эксплуататорский класс на почве несения ими общественных функций по решению споров, организации защиты и т. п. Второй путь — образование частной собственности и выделение отдельных семей, захвативших в свои руки власть над обществом; они превратились в рабовладельческие семьи, по П. Федосееву.

Надо ли говорить, что первый из „путей“ целиком соответствует „теории“ известного А. Богданова о перерастании родо-племенных вождей — „организаторов“ в класс феодалов.

Ссылка П. Федосеева на Ф. Энгельса сделана совершенно не к месту. Автор не понял Ф. Энгельса и некритически воспринял нелепую и антимарксистскую „теорию“ А. Богданова. Основной путь возникновения классов — возникновение частной собственности на средства производства, на рабов, на землю, скот и т. д. На этой почве с установлением

неравенства, выделялись, действительно, отдельные семьи, которые в дальнейшем, в одних случаях, сформировались в класс рабовладельцев, в других — в класс феодалов. Рабовладельцы и феодалы в подавляющем большинстве случаев „новые люди“, вовсе не прежние родо-племенные вожди. Последние, напротив, как правило, были оттеснены на задний план, частью даже убиты, и только некоторая их часть могла превратиться в подлинных рабовладельцев или феодалов, но отнюдь не на почве общественных функций. Частная собственность и связанное с ней экономическое могущество — вот что явилось условием возникновения эксплуататорских классов. Не потому капиталист является капиталистом, что управляет фабрикой, — объяснял Маркс, — а потому он управляет фабрикой в буржуазном обществе, что является капиталистом; феодал не потому владеет землей, что несет функции по военной защите общества, а потому он и является военным организатором в феодальном обществе, что владеет землей. Эти указания Маркса, как равно разъяснения Ленина по вопросу о том, что такое класс, не мешало бы помнить всякому автору, трактующему вопросы происхождения классов.

П. Федосеев эти указания упустил из виду, не говоря о том, что не владеет и конкретным материалом, относящимся к трактуемому им вопросу. Происхождения частной собственности в своей брошюре он вообще не объяснил, и этот вопрос обошел, по существу, скромным молчанием. Те немногие общего порядка фразы, которые им высказаны о частной собственности, ни в какой мере не представляют объяснения условий ее происхождения.

Этот основной порок в брошюре П. Федосеева тесно связан с непониманием им основного условия разложения доклассового общества — внутреннего противоречия. Этой проблемы, правда чрезвычайно сложной, П. Федосеев вообще никак не касается в своей брошюре. Но, обойдя этот вопрос полным молчанием, он не мог не впасть в ошибку, подобную его ошибке в объяснении происхождения классов, как равно, происхождения материнского и отцовского рода и т. д.

Брошюра П. Федосеева, наконец, имеет и еще один существенный порок. Автор не дал своей работе надлежащего политического заострения. Попытка такого рода, правда, сделана им в заключении. Но последнее органически не связано с основным текстом брошюры. Автор не поставил вопроса о значении изучения истории доклассового общества для целей социалистического строительства. Он ничего не сказал о борьбе советских ученых с буржуазными авторами, отрицающими существование первобытного коммунизма в прошлом. Он ничего не сказал о возможности использования некоторых остатков форм первобытного коммунизма у отсталых народов в интересах социалистического строительства. Он ничего не сказал о необходимости изучения разложившихся форм родовых отношений в интересах борьбы с кулацкими, эксплуататорскими элементами,

которые могут прикрывать свою эксплуататорскую деятельность внешней видимостью якобы родовых отношений.

Сказанное заставляет признать брошюру П. Федосеева крайне неудачным опытом и выразить сожаление по поводу того, что Партиздат, выпуская эту брошюру в свет в значительном тираже, не принял достаточных мер к обеспечению надлежащего качества этого издания.

С. В. Иванов

НОВЫЕ КНИГИ ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ИСКУССТВУ

В 1933 г. литература по русскому крестьянскому и кустарному искусству пополнилась несколькими новыми изданиями по вышивке, резьбе и росписи по дереву, бересте, папье-маше и металлу. Мы имеем в виду три альбома, изданные Московским Изогизом, под общей редакцией Д. Аркина, небольшую книжечку „Русские художественные лаки“, выпущенную издательством „Всекохудожник“ к выставке лаковых изделий в Москве, и, наконец, статью А. Бакушинского (под тем же названием), помещенную в № 6 журнала „Искусство“, за 1933 г. (вышел в 1934 г.). Все пять работ снабжены большим количеством таблиц, что выгодно отличает их от ряда других изданий по русскому крестьянскому искусству, вышедших ранее. Особенно следует подчеркнуть недурно исполненные цветные таблицы в альбомах по вышивке и росписи. Внешность и оформление альбомов производят приятное впечатление. Недорогая цена, пониженная даже против номинала, делает альбомы вполне доступными для широкого покупателя.

Обратимся к самим изданиям.

1. „Вышивки“. Вводный текст О. Бубновой. XXIV таблицы в красках. Ц. 3 р.

Несмотря на небольшой вводный текст (всего 2 1/2 стр.), автор сумел дать общую, и притом правильную, картину изменения характера крестьянской вышивки, начиная от северных районов Европейской части РСФСР и кончая югом, где уже встречаются элементы приближающиеся к украинским. Изменения эти относятся к технике, колориту, форме и, наконец, сюжетике искусства. Геометрические мотивы, яркость и полихромия возрастают с севера на юг. Вместе с этим упрощается сложность узоров. В геометрических мотивах автор усматривает более древние элементы русского крестьянского искусства, лучше сохранившиеся в центрально-промышленной области, в особенности на юге ее.

Изобразительные сюжеты северных районов, за исключением дерева с геральдическими расположенными по сторонам его птицами, автор относит к исторически более поздним явлениям (XVIII—XIX вв.). Большинство вышивок этого времени представляют собой смешение древнейших традиционных мотивов, сложившихся еще в условиях натурального хозяйства, с мотивами, привнесенными в крестьянскую среду бытовой эстетикой помещичьей

усадьбы и, позже, города, с его дворянскими и буржуазными верхами.

Казалось бы, эта правильная, хотя и очень краткая, характеристика крестьянской вышивки должна была бы найти свое подкрепление в приложенных далее таблицах рисунков. Однако „перечень иллюстраций“, в котором отмечены одни лишь мотивы вышивок, иногда дата, и вовсе не указывается район, в значительной степени лишает читателя возможности разобраться, в какой именно области изготовлен тот или иной образец, представленный хотя бы, напр., на табл. IX, XVI, XVII, XVIII, XXII и XXIII. Приходится предполагать, сопоставлять, догадываться, ибо таблицы расположены без определенного порядка. Явно северные вышивки встречаются и в начале и в середине и в конце альбома. Надо обладать очень хорошим знанием специфики отдельных районов и деталей орнамента, чтобы, прочтя текст, более или менее удовлетворительно разобраться в таблицах.

Другим недостатком альбома является отсутствие указаний на масштаб рисунков; нигде не указано, кроме того, где находятся те подлинники, с которых исполнены рисунки.

Эти, казалось бы, мелкие недосмотры издания, устранение которых не представило бы никакого особого труда для составителей, лишают, однако, интересный и крайне нужный всем иллюстративный материал его научного значения.

Альбом приобретает характер собрания интересных картинок, которые, благодаря своей недокументированности, лишь с очень большой осторожностью могут быть использованы в качестве научного источника.

2. „Резьба по дереву“. Вводный текст В. Воронова. XXIV черных фотографических таблицы. Ц. 2 руб. 50 коп.

В. Воронов — автор ряда известных работ по русскому крестьянскому искусству — в своем вводном тексте дает в сжатом виде общую характеристику русской резьбы, выделяя отдельные типы ее не только по районам, но и по историческому признаку. Так, он отмечает наиболее древний тип, связанный с „геометрическими“ формами, одним из основных и доминирующих мотивов которых является богато расчлененный круг или розетка, представляющие собою древний символ солнца (табл. 12—14 и 16—23). Этот тип резьбы встречается на разнообразных бытовых и хозяйственных предметах жилищного крестьянского дома в Среднем Поволжье. Далее выделяется более сложная по технике рельефная резьба, применяемая в архитектуре. Весьма любопытно, что эта резьба, по наблюдениям автора, перенесена была в архитектуру с барок и судов. Исполнялась она артелями специалистов-резчиков, переходивших из села в село в строительные сезоны (табл. 1—8).

Мелкоузорная резьба на пряничных досках XVIII—XIX вв. имеет особый характер (табл. 9—10) и выделяется автором в самостоятельную группу.

В резьбе по дереву отмечаются, как и в вышивке, внешние влияния. Помещичьи усадьбы, города и проникавшие в деревню лубочная

картинка и книжная иллюстрация не могли не отразиться на тематике резьбы. Особенно ярко отразила новые реалистические мотивы так наз. скобчатая резьба, сложившаяся в середине XIX в. Под влиянием новой тематики древние символические мотивы начинают отступать на задний план.

В заключение автор останавливается на искусстве современной советской деревни, указывая на зарождение в нем совершенно новых форм и сюжетов, отражающих нашу эпоху.

К сожалению, характер этого нового, советского содержания крестьянского искусства остается для читателя неизвестным, так как в альбоме не представлено ни одного образца новейшего творчества.

В противоположность первому альбому, для каждой таблицы резьбы по дереву указывается район. Масштаб и местонахождение предметов остаются, впрочем, и здесь не отмеченными.

Достаточно крупные и отчетливые снимки дают возможность широко использовать содержание альбома как для художественно-промышленных, так и для научных целей.

3. „Роспись по дереву, бересте и папьемаше“. Вводный текст А. Бакушинского. XXIV таблицы рисунков в красках. Ц. 3 руб.

Этот альбом включает в себя достаточно разнородный материал, который, лучше было бы разделить на два или на три отдельных выпуска, выделив низовое, собственно крестьянское искусство, сохранившее древние традиции, от появившегося в связи с ростом промышленности и развитием товарных отношений в деревне искусства ремесленников и кустарей, усвоивших и отразивших художественные вкусы и запросы различных слоев городского населения. Особое место, конечно, занимает современный Палех, имеющий свои традиции и свою послереволюционную историю. Отметив формально-специфические признаки декоративного искусства деревни, автор переходит к характеристике отдельных видов росписи. Пережитками первобытно-родового уклада жизни являются беспредметные каллиграфические узоры и подчиненные их характеру животные и растительные мотивы росписей. Краски здесь скупы и сочетаются с графической передачей формы (мезенские прялки). Более развитые формы дают предметы Северо-Двинского и Архангельского районов.

Поздние по времени сюжеты, отражающие быт боярства (XVII в.), дворянства и купечества (XVIII—XIX в.), относятся уже к искусству средних и зажиточных слоев крестьянства, впитавшему в себя чуждые элементы и переродившемуся в своей социальной сути.

В XIX в. продукция деревенских кустарей попадает на широкий рынок и обслуживает город. Искусство все более и более приспосабливается к новым запросам, отходя от древних традиционных форм.

Расписные блюда, солонки, коробочки и вазы „хохломы“ кустарей уже значительно отличаются от прежней крестьянской утвари и по форме и по манере письма.

Изделия „фабрики“ купца Лукутина пошли в этом направлении еще дальше: черный фон, на котором ярко выделяется яркая бытовая картинка вроде „чаепития“, или лихо несущейся „тройки“, уже окончательно порывают с декоративной плоскостной передачей предмета, свойственной крестьянскому искусству. Здесь уже не локальный цвет, а светотеневая передача предметов, подчеркивающая объем и углубляющая пространство. Федоскинская артель является сейчас преемницей лукутинского дела.

Стиль Палеха, старинного иконописного центра, характеризуется автором как сложное единство аристократических влияний допетровской Руси, дворянского искусства XVIII—XIX в. и остатков крестьянского мировоззрения средних слоев деревни. Революция вдохнула новую жизнь в искусство палешан, постепенно клонившееся к упадку, начиная с середины XIX в. Современный Палех известен не только тем, что механически сменил свою иконописную тематику на советскую. Самая замечательная черта его в том, что бывшие ремесленники-иконописцы, повторявшие прежде канонизированные образцы, писавшие по определенному шаблону, превратились после революции в подлинных художников, мастеров своего дела, чутко откликающихся на советскую действительность. Новый путь для палешан — это путь живой творческой работы, новых исканий и все более расширяющейся тематики.

Таблицы альбома, попрежнему лишенные указания на масштаб, удовлетворительно передают цветовую сторону только собственно крестьянских вещей и отчасти росписи на „лукутинских“ изделиях. Что же касается палеховских лаков, то последние в репродукциях фабрики Гознак теряют не только свой исключительный блеск и яркость, но и лишаются многих тонких оттенков цвета. Кроме того, совершенно отсутствуют тончайшие линии, нанесенные на фигуры при помощи золотой краски. Наличие этого признака, составляющего характерную особенность палеховских росписей, более приблизило бы репродукции к оригиналу.

В альбоме представлены семь работ И. Голикова, три работы И. Баканова и одна — А. Катухина. Все они исполнены в 1923—1929 гг. Из революционных сюжетов в альбоме помещены: смычка крестьян с рабочими, избачитальня и заседание Волисполкома.

В целом, все три альбома несомненно представляют собой ценный вклад в существующую литературу по русскому крестьянскому и кустарному искусству.

4. „Русские художественные лаки“. Всекохудожник, М. 1933. Предисловие Н. Н. Масленникова, текст А. В. Бакушинского. 29 страниц, XXVI черных фотографических таблиц. Ц. 1 руб. 75 коп.

Отмечая в предисловии крайне тяжелое экономическое положение кустарей — иконописцев до революции и небывалое падение творчества кустарей в период империалистической войны, Н. Н. Масленников останавливается далее на художественно-идеологической

перестройке кустарей в послереволюционный период. Основной задачей этой перестройки явилось внедрение новой революционной тематики. Легче всего для кустарей оказался переход на тематику современной деревни. Однако интерпретация новых персонажей шла по старым, давно усвоенным канонам. Костюмы и ангелоподобные „лики“ по-прежнему не могут оторваться от старой иконы, а фигуры — от канонизированных поз и заученных положений. Живописцам Палеха, Мстера и Федоскина нужно еще упорно работать над преодолением ряда идеологических ошибок, над устранением в своих работах того мистического символизма, который идет от старых церковных росписей и икон. Одна тематическая перестройка оказывается еще недостаточной для перехода бывшего иконописного искусства на путь подлинно революционного творчества. Вопрос о методах перестройки работы кустарей автор предлагает поставить на глубокую научную марксистско-ленинскую основу.

Статья А. В. Бакушинского дает общую характеристику работ различных артелей живописцев.

Несколько слов о производстве лаковых изделий в Китае, Японии, Персии и позже — в Западной Европе представляют собою небольшое историческое введение к очерку. До 1795 г. в России своих лаковых изделий не было. Лишь с появлением в Москве иностранных мастеров начинается производство русских „коробовских“ табакерок. С переходом фабрики Коробова к Лукутину, качество изделий настолько повысилось, что на них появился спрос из за границы. Требовали главным образом миниатюрных копий с картин западно-европейских и отчасти русских мастеров. Эти картины и составляли основную тематику лукутинских кустарей. Потребителями этих изделий в России были различные классы, начиная от аристократии и кончая купечеством и городским мещанством.

Для мелкого купечества и провинции шли другие сюжеты: „чаепитие“, „пляски и гулянье“, семейная идиллия и т. д.

Кроме лукутинских, известны были лаковые изделия и других мастерских, напр., кустарей Вишняковых, Жостовской артели и других, большинство из которых прекратило свое существование в первой половине XIX в. Лукутинское предприятие удержалось дольше других, но и оно было ликвидировано в начале 900-х годов.

Далее дается характеристика работы Федосинской артели, являющейся прямой продолжательницей лукутинских традиций.

В заключение автор останавливается на живописи бывших иконописцев Палеха и Мстера. Отличаясь от предыдущих работ техникой и стилем, это искусство, поддержанное после революции советской общественностью, сумело переключиться на новую тематику и выдвинуло ряд крупных мастеров, произведения которых пользуются сейчас мировой известностью. Если Палех отражал в свое время утонченные вкусы придворного боярства и торговой аристократии, то Мстера

создавалась под влиянием различных слоев старообрядчества. Отсюда различие в манере письма этих двух крупных центров иконописания в прошлом. Кратко отметив дальнейший путь развития живописи этих двух центров, автор останавливается на отдельных течениях в искусстве мстерских художников.

Среди иллюстраций мы находим снимки с работ мстерских мастеров — И. Овчинникова, А. Брягина, А. Котыгина и И. Клыкова. Темы их произведений сводятся преимущественно к пейзажу и натюрморту.

Из Палешан представлены И. Баканов, Д. Буторин, А. Дыдыкин, И. Зубков, А. Катухин, И. Маркичев, Н. Париков и Д. Турин. Среди произведений этих художников, на ряду с темами из „Руслана и Людмилы“, „Дон Кихота“, „Бахчисарайского фонтана“ и „Золотого петушка“, имеются и революционные сюжеты, напр., „Гибель Спартака“, „Бронепоезд“. Технически названная книжка выполнена вполне удовлетворительно.

5. А. Бакушинский. „Русские художественные лаки“. Журн. „Искусство“, М., 1933, № 6, стр. 87—117. 11 цветных рисунков и 18 черных.

Указанная статья является в сущности более расширенной предыдущей работой того же автора. Даже иллюстрации в основном те же самые. Так, из 18 черных рисунков 12 повторяют те, которые были приложены к книжке, изданной Всекохудожником, а 11 цветных репродукций уже известны по альбому „Роспись по дереву, бересте и папье-маше“. Таким образом, новыми оказываются всего лишь шесть рисунков. Отметим, кстати, что одна и та же Федоскинская „летняя тройка“ в предыдущей книжке значится как работа Н. Цыбина, в то время как в настоящей статье приписана И. Платонову. Наряду с более углубленной, чем в предыдущих работах, историко-социологической характеристикой отдельных течений „лукутинской“, федоскинской, мстерской и палеховской артелей А. Бакушинский отмечает также особенности творчества отдельных наиболее значительных художников, в том числе 73-летнего Н. Клыкова (Мстера), впервые давшего удачные решения реалистического декоративного натюрморта.

Цветные рисунки отличаются теми же достоинствами и недостатками, которые были отмечены нами выше, при рассмотрении альбома „Роспись по дереву...“

С. В. Иванов

ХОХОВ, АСЛАНГИРЕЙ. „ОСЕТИНСКИЕ ОРНАМЕНТЫ“

Книга первая. Предисловие и перевод Бригаева Созрыко. Ред. (?) Б. Дзасохова. Издание Северо-осетинского научно-исследовательского института. Гор. Орджоникидзе, 1932, 2 стр. текста (предисловия) и 71 штрих. рис. с пояснениями. Пред. на русск. яз.; весь остальной текст на осетинском и русском языках. Ц. 50 коп.

В предисловии к книге, которую правильнее было бы назвать альбомом, сообщаются краткие сведения об осетинских орнаментах, зарисованных художником Хоховым. Орнаменты эти распадаются на три вида: а) вышивка, б) резьба по дереву и в) украшения на могильных камнях. Все три вида относятся к искусству осетинской феодальной и родовой верхушки и были распространены среди нее, главным образом, до середины XIX в. Позже это искусство перешло также к кулацкой прослойке осетинского народа и к связанной с нею националистической интеллигенции. В ограниченных размерах оно проникло и в бедняцкую среду.

Исполнением вышивок, главным образом золотыми и серебряными нитками, были заняты представительницы высших классов населения, а также их крепостные женщины. Относительно резьбы по дереву, требующей известной затраты физического труда, остается неизвестным, кто именно являлся ее техническим исполнителем: сами ли представители господствующих классов или же особые мастера из подчиненного им населения. Составители предисловия склоняются к последнему, мотивируя это тем, что феодально-родовая верхушка считала для себя унижительным какой бы то ни было вид физического труда. Что же касается украшений на могильных камнях, то они исполнялись исключительно мастерами-ремесленниками. Центром производства каменных надгробий для всей северной Осетии было сел. Заманкуле.

Эти, к сожалению, весьма краткие сведения об исполнителях художественных работ являются ценными для социологического понимания исторического процесса развития искусства в Осетии. Наша искусствоведческая литература там, где дело касается определенного конкретного общества, небогата сведениями о социальной стороне искусства, о классовой его природе.

Особенно ценными следует признать сведения об использовании крепостного труда для искусства феодальной верхушки. Можно лишь пожалеть, что эти стороны осетинского искусства не нашли своего отражения в специальной работе и до сих пор как следует не разработаны. Изучение этого вопроса имеет важное значение не только для правильного понимания осетинского национального искусства и его источников, но приобретает особый интерес и с точки зрения методологии марксистской искусствоведческой науки, изучающей ранне-феодальное искусство. В феодальном искусстве Осетии интересно было бы проследить влияние художественных форм родового общества, поскольку пережитки родовых отношений не исчезли еще в условиях становления феодальных отношений. Чрезвычайно важно было бы установить, какие именно формы или отрасли изобразительного искусства были перенесены из эпохи разложения родового строя и удержаны новой социальной средой. Равным образом следовало бы указать происшедшие при этом с ними изменения как количественные, так и качественные, а также отметить те новые формы искусства, которые возникли в среде феодаль-

ной верхушки, как выражение новой идеологии.

К сожалению, ответа на все эти вопросы не дается. Более того, при чтении вводного текста создается впечатление, что искусством всего осетинского общества в целом является искусство его классовой верхушки и что, следовательно, у подчиненных классов осетинского народа никакого своего искусства не было.

Едва ли, однако, такое положение соответствует исторической действительности. При наличии пережитков родового строя даже в среде самих феодалов, трудно допустить, чтобы последние не сохранили в своей среде каких-либо элементов искусства предшествующей стадии. Тем более это мало вероятно для представителей родовой верхушки. История знает много примеров удержания феодальным искусством прежних форм, идущих из эпохи родового общества.

С другой стороны, трудно допустить, что массы осетинской бедноты и крепостные целиком потеряли свое собственное искусство, уходящее корнями в первобытно-коммунистическую формацию, и ничего не противопоставляют феодальному искусству.

Принимая все это во внимание, мы должны сказать, что вопросы социологической интерпретации осетинского искусства требуют еще своей исследовательской проработки и что всякие категорические суждения в этом направлении, не подкрепленные достаточным количеством научно-обоснованных данных, должны приниматься с большей осторожностью, тем более, что, как указывается в предисловии, вопросы осетинского искусства до сих пор не были предметом специального изучения.

Авторы введения правильно указывают далее, что в условиях классового общества искусство господствующего класса всегда и везде являлось и является орудием классового самоутверждения и классовой борьбы. Это положение марксистской искусствоведческой науки следовало бы раскрыть на том конкретном историческом материале, который представляет собой осетинское искусство. К сожалению, составители альбома этого не сделали, ограничившись простым изложением указанного положения. Поэтому остается неясным, какое же именно идеологическое содержание вкладывалось в искусство феодальной и родовой верхушки. А между тем выяснение этого вопроса очень важно, ибо представленное в альбоме осетинское искусство носит исключительно орнаментальный характер и тематически сводится к изображениям стилизованных растений и внешне геометрических форм. Человек и животные не изображаются.

При отсутствии же указаний на значение осетинского орнаментального искусства, на его классовое содержание, очень трудно уяснить, к чему же именно сводилась роль его, как идеологического орудия господствующего класса.

Впрочем, в предисловии к альбому обойдены молчанием не только вопросы содержания искусства, но и его тематика.

А между тем, из рассмотрения самих рисунков видно, что в орнаментальном искусстве

осетин мы имеем дело с двумя совершенно различными разделами тематики и техники: бросается в глаза, что женские вышитые орнаменты тяготеют к изображениям растений, в то время как мужская резьба по дереву остается в рамках „геометрических“ форм. Эта последняя имеет весьма древнее происхождение, на что указывают и некоторые подписи к рисункам. Несомненно, что резьба со всей ее тематикой старше тех верований, которые были принесены на Кавказ вместе с исламом и христианством.

Как техника, так и тематика осетинской резьбы по дереву встречается и у других народов Кавказа и даже далеко за пределами последнего, как, напр., в Средней Азии, на Украине, у крестьян различных стран Западной Европы и т. д. Многие из элементов этой резьбы с большой долей вероятности объясняются теперь как знаки солнца (звездообразные и розеткообразные фигуры, заключенные в круг, напр., фиг. 26, 27, 30, 33) и, следовательно, указывают на широко распространенный прежде в этих странах культ солнца.

Впрочем, составителей альбома интересовала не столько историческая сторона искусства, сколько практическое значение публикуемого материала, ибо целью издания, как об этом указывается в предисловии, является помощь быстро развивающейся кустарно-промышленной кооперации северной Осетии.

Обратимся поэтому к самому альбому. Линейные, штриховые и силуэтные рисунки орнаментов были сделаны автором от руки и затем отпечатаны черной краской. Из 71 рисунка 54 относятся к вышивкам, 12 к деревянной резьбе и 5 к украшениям на каменных надгробиях.

В некоторых случаях, главным образом в орнаментах по дереву, исполнение рисунков не отличается четкостью, а подчас даже и вовсе небрежно. Характер рельефа уловить трудно. Особенно неясны с этой точки зрения орнаменты на каменных надгробиях. Техника, глубина и характер рельефа остаются неясными. Масштаб везде отсутствует, благодаря чему установить настоящие размеры орнаментов не представляется возможным. То же относится и ко всем вышивным узорам, исполненным в альбоме силуэтом. Силуэт не дает никакого представления о технической стороне вышитых узоров, не передает характера стежка и т. д. В тексте о самой технике также не упоминается. Благодаря всем указанным недочетам, практическое значение альбома, предназначенного для различных художественных школ и артелей, значительно снижается.

Большим упущением является также отсутствие указаний на местные названия отдельных орнаментов.

При публикации значительного количества отдельных образцов, их местные названия, сопровождаемые переводом, могли бы представить большой научный интерес, тем более, что для Кавказа в этом отношении приходится констатировать досадный пробел: в литературе почти нет материалов этого рода.

Несмотря на отсутствие местных названий, автор все же дает целый ряд подписей к рисун-

кам, в которых пытается дать объяснение отдельных узоров с точки зрения их сюжета. Некоторые объяснения отличаются при этом большой неясностью, мешающей понять, кому объяснение принадлежит. Напр., подпись под рисунком 9 гласит следующее: „орнамент является одним из вариантов символизированного изображения солнца“. Из чего при этом исходил автор? Из толкования или названия узора, слышанного им от мастерицы; от сходства формы узора с другими мотивами, принадлежность которых к солярным знакам установлена была ранее; или, наконец, из собственных своих предположений? Под рисунком 2 читаем: „в основу орнамента положено, видимо, растение. В то же время орнамент напоминает стилизованное изображение двух дерущихся птиц“. Еще пример—рисунок 8: „данный орнамент имеет в своей основе изображение какого-то жука“. В последнем случае для автора, видимо, никаких сомнений не существовало, а, между тем, вероятность такого объяснения весьма сомнительна. Узор с таким же правом может быть истолкован как растительный.

Но можно ли вообще предлагать то или иное толкование, опираясь при этом только и исключительно на внешнее сходство узора с тем или иным предметом? Думаем, что нет, в особенности в таком издании, на котором стоит марка научно-исследовательского института.

Несмотря на указанные недочеты, следует, все же, приветствовать появление в свет материалов по осетинскому орнаменту, дающих достаточное представление о вышивальных узорах, с точки зрения их внешней формы. Для дальнейших выпусков альбома, которые, надо надеяться, появятся в ближайшем будущем, можно пожелать, чтобы они более удовлетворяли как научным, так и техническим требованиям.

М. Г. Худяков

В. М. ПОДОРОВ. ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ КОМИ (ЗЫРЯН И ПЕРМЯКОВ) в двух томах. Т. I и II. Коми-педагогический институт, №№ 3 и 4. Коми-Гиз. Сыктывкар, 1933. Стр. 320 + 288. Ц. 6 руб. + 5 руб. 50 коп.

Культурное строительство в автономных республиках и областях, особенно значительно развернувшееся с первой пятилетки, поставило перед советскими историками на очередь неотложную задачу создания научной истории народов СССР. Вопросы истории народов в многонациональной царской России вовсе не ставились и не разрабатывались великодержавными историками-шовинистами, даже в плане буржуазной историографии. Некоторые попытки были сделаны лишь буржуазными национал-демократами. Но по выдвинутым ими концепциям и установкам их попытки не могли обеспечить правильного разрешения задачи.

Советской общественности на историческом фронте приходится неустанно вести

борьбу на два фронта — против великодержавного шовинизма и против местного национализма, за чистоту марксистско-ленинской теории. Известно, что все лжемарксистские, механистические и прочие извращения тесно связаны с коренным отходом от пролетарской идеологии и неизбежно смыкаются с буржуазными взглядами в той или иной их разновидности. Тов. Сталин четко поставил и заострил эти вопросы в письме в редакцию журнала „Пролетарская революция“ „О некоторых вопросах истории большевизма“, призывая усилить бдительность на фронте исторической науки. Со времени появления в печати письма т. Сталина мы имеем бесспорные достижения в области исторической науки.

Объективные данные для успешной работы по построению научной истории народов СССР имеются налицо. Накоплены различного рода источники в виде археологических памятников, открытых за последние годы, архивных материалов, извлеченных из-под спуда, этнографических и лингвистических материалов, собранных научными экспедициями, которые охватили за годы Советской власти весь СССР. Наступила уже пора приступить к надлежащему освоению всех собранных материалов, к переработке их на основе марксизма-ленинизма и к созданию научной истории народов СССР, удовлетворяющей тем методологическим и политическим требованиям, которые предъявляет к науке советская общественность.

Потребность в марксистских учебниках по истории народов СССР получила отклик в виде издания нескольких книг этого типа, рассчитанных на то, чтобы служить руководствами и пособиями. Народ коми оказался на одном из самых первых мест в смысле удовлетворения этой потребности. Почти одновременно вышли две книги: „Очерки истории народа коми-зырян“ Н. И. Ульянова, Партиздат, Л., 1932 и солидный, объемистый труд В. М. Подорова „Очерки по истории коми (зырян и пермяков) в двух томах“, Коми-пед. инст., Сыктывкар, 1933. Конечно, одновременное появление двух книг на одну тему свидетельствует прежде всего о наличии четко осознанной потребности и своевременности выпуска изданий по данному вопросу. Но в то же время нельзя не отметить некоторого параллелизма как в работе книгоиздательства, так и в авторской работе обоих ученых. Неизбежно встает вопрос об отсутствии увязки между трудами двух историков, разрабатывавших одни и те же проблемы, причем оба работали в пределах одного и того же Северного края — Н. И. Ульянов в центре края, в Архангельске, а В. М. Подоров, в центре Коми-области. При „единоличном“ подходе к работе, в обоих книгах неизбежно в большей мере сказались ошибки и промахи каждого автора, действовавшего на свой страх и риск.

Индивидуалистический подход к делу сильно отразился в отрицательном направлении на работе В. М. Подорова, неиспользовавшего даже материалы других историков коми, живущих в самом г. Сыктывкаре (Г. А.

Старцев, А. С. Сидоров). В частности нам приходится отметить, что В. М. Подоров оказался совершенно некомпетентным в сфере археологии, и в этом отношении для него совершенно необходима увязка с А. С. Сидоровым, лучше других ориентированным в археологии Коми-области. Столь же полезна и необходима была бы для В. М. Подорова связь с ленинградскими археологическими учреждениями, для чего он располагал полнейшей возможностью, создавая часть своей книги в самом Ленинграде. К сожалению, он до конца остался последовательным „единоличником“ и не использовал возможности коллективной работы.

В настоящей заметке мы не будем касаться всего двухтомника В. М. Подорова, представляющего, в целом, капитальный вклад в научную литературу по истории народов СССР. Уже самый объем труда (600 стр.) говорит об обилии материала, охватывающего всю историю коми с древнейших времен до конца гражданской войны. Особенно интересен т. II, где имеются главы: „Коми как колония“, „Формирование коми в нацию и идеология коми буржуазии“ и т. д. Не касаясь этих вопросов, мы остановили внимание лишь на эпохе первобытного коммунизма, которой отведено около 55 страниц — в т. I вся вторая глава и половина главы третьей. Основным недостатком всей этой части работы является недостаточное знакомство В. М. Подорова с конкретными археологическими материалами, а также крайне слабое и недостаточное знакомство с этнографическими данными, относящимися к коми зырянам и пермякам. Пред нами работа типичного одностороннего историка, владеющего лишь одной категорией источников (письменными источниками) и умеющего работать только над ней. Все другие виды исторических источников остаются вне круга его работы. Он их не знает, ими не владеет и их не использует. Беспомощность автора в этом отношении является прямо поразительной. Из всей обширной археологической литературы по местному краю В. М. Подоров ограничился использованием только двух работ — старой книги В. Н. Берха (1821) и одной из статей Ф. А. Теплоухова (1892). Основные труды по археологии местного края — атлас И. Р. Аспелина „Antiquités du Nord“, труды А. А. Спицына „Древности камской чуди“ и „Шаманские изображения“, третий том „Материалов по археологии восточных губерний“, ряд работ Ф. А. Теплоухова, атлас Я. И. Смирнова „Восточное серебро“ и т. д. остались вне поля его зрения. Из этнографических работ В. М. Подоровым не использована основная монография — „Пермяки“ И. Н. Смирнова. Незнакомство с этой работой особенно невыгодно отразилось на его труде в том отношении, что в книге И. Н. Смирнова приведен обширный аннотированный указатель литературы, которая также могла бы быть использована автором, но ускользнула из поля его зрения. Таким образом, не имея знакомства с основными работами по археологии и этнографии Коми края, В. М. Подоров взялся за решение задачи,

явно для него непосильной: построить историю первобытного коммунизма у коми зырян и пермяков. Несомненно, что для успешного разрешения такой задачи совершенно необходимо прочное освоение конкретного материала, и только в этом случае все теоретические построения могут быть обоснованы ссылками на фактические данные. Вместе с тем, не владея конкретными материалами, В. М. Подоров оказался довольно беспомощным и в теоретическом отношении, что отрицательным образом сказалось на систематизации, расположении и освещении фактических данных на страницах его книги. Прежде всего это выразилось в отсутствии ясного представления о стадийном развитии первобытного коммунизма, о делении истории доклассового общества на ряд стадий. Изложение всех материалов дано им не по стадиям, а в своеобразном плане, довольно бессистемном. Глава II „Первобытно-коммунистическое общество“ состоит из 9 разделов, помещенных в такой последовательности: 1) общие замечания, 2) основные этапы первобытно-коммунистического общества, 3) основные занятия населения, 4) начатки разделения труда, обмена и ремесла, 5) социальный строй, 6) брак и положение женщины, 7) коммунистический быт, 8) противоречия первобытно-коммунистического общества, 9) возникновение религии. В каждом из этих формальных разделов изложение ведется в хронологической последовательности, т. е. автор много раз возвращается к исходной точке и несколько раз проходит через одни и те же моменты исторического развития первобытного коммунизма.

Вместо того, чтобы охарактеризовать каждую стадию во всей совокупности производительных сил и производственных отношений с соответствующими надстроечными явлениями, не владея материалом как следует, он неизбежно оказывается во власти материала и не умеет организовать его иначе, как по формальным признакам. Комплекс общественных отношений на каждой стадии оказался разорванным на отдельные куски и разнесенным по тем же формальным разделам. Это, конечно, крупный недостаток труда В. М. Подорова — отсутствие четкой систематичности в изложении материала обесценивает качество его книги как учебного руководства. Слабость же его теоретических построений в значительной степени объясняется слабым знакомством с литературой по истории первобытного коммунизма, сильно продвинувшей разработку данных вопросов. Напр., для В. М. Подорова было бы очень полезно знакомство хотя бы со сборником „Первобытное общество“ под редакцией Н. М. Маторина (в серии „Всемирная история“, 1932).

Крупнейшим недостатком работы В. М. Подорова является отсутствие конкретного материала по истории первобытного коммунизма на территории коми. Изложение соответствующей главы страдает схематичностью, излишней теоретичностью. В основу построения положена схема развития семейных отношений, взятая им у Ф. Энгельса, а конкретный материал привлечен лишь в качестве иллю-

страций к положениям Энгельса. При этом незнание с археологией и этнографией местного края заставляет В. М. Подорова приводить примеры из совершенно иных, нередко очень отдаленных, местностей: в книге имеются цитаты из работы Г. А. Старцева „Остяки“, П. С. Ефименко о лопарях, Круковского „Олонецкий край“, Серошевского „Якуты“, но отсутствуют ссылки на работы о пермяках или об удмуртах — ближайших соседях коми в Прикамьи. Недостаточное знакомство с конкретными материалами по Коми краю проявляется в полном отсутствии в книге В. М. Подорова освещения таких вопросов, как древнейшая стадия первобытного общества на территории коми. Ничего не говорится о неолитических стоянках и об обществе, создавшем эти стоянки. Выпали также из его книги вопросы этногенеза коми, а между тем правильная постановка этих вопросов является чрезвычайно важной в политическом отношении, в борьбе против великодержавного шовинизма и местного национализма. Этногонические вопросы должны найти себе правильное освещение в учебном руководстве, иначе неопытные читатели неизбежно окажутся во власти старой буржуазной литературы, где эти вопросы решаются при помощи расовой теории, мифических „пранародов“ и „праязыков“. Советский историк должен вести активную борьбу с такими теориями и непременно противопоставлять буржуазным построениям правильное решение этих вопросов, но ни в коем случае не обходить их молчанием, как это делает автор.

Переходя к рассмотрению отдельных разделов гл. II книги А. М. Подорова, ограничимся лишь несколькими краткими замечаниями, полагая, что общая характеристика, данная выше, уже вскрыла основные недостатки разбираемого труда.

В разделе „Основные этапы развития первобытно-коммунистического общества“ В. М. Подоровым дано слишком упрощенное представление о стадийном развитии доклассового общества. Выхвачен и охарактеризован только один момент — история семьи, изложенная по Энгельсу, без всякого применения конкретного материала, относящегося к местному краю. В настоящее время наукой накоплено значительное количество антропологических, лингвистических, этнографических данных, которые помогают расширить и конкретизировать схему Энгельса, изложенную в его гениальном труде.

Незнакомство с археологией и этнографией местного края лишает книгу В. М. Подорова в части, относящейся к первобытному коммунизму, необходимой конкретности и превращает ее в бледную и отвлеченную схему. Так, напр., указания на пережитки группового брака у коми В. М. Подоров ограничивает следующей бессодержательной фразой: „О существовании случайной формы семьи... у коми народа указывает целый ряд родовых пережитков“ (стр. 20), но каковы эти пережитки — фактически не указано. Между тем, еще в 1891 г. И. Н. Смирнов в своей монографии „Пермяки“ привел немало конкретных пере-

житков группового брака у коми (стр. 208—215). Несмотря на свои буржуазные установки, И. Н. Смирнов не мог пройти мимо этих пережитков „коммунального брака“ и матриархата у коми и собрал значительный материал. В отношении использования конкретных фактов книга В. М. Подорова уступает монографии И. Н. Смирнова, написанной на 40 лет раньше.

Игнорируя ту общую периодизацию исторического процесса, которая изложена Энгельсом в главе „Доисторические ступени культуры“ и ограничиваясь историей только форм семейной организации, В. М. Подоров не избежал серьезных ошибок. В концепцию Энгельса он внес несколько существенных искажений. Описывая дорожное общество, В. М. Подоров находит в дорожной коммуне „семейные ячейки“, где имеются „отец“ и „мать“ (стр. 19), т. е., скатывается целиком к буржуазному представлению об извечности моногамной семьи. В. М. Подоров забывает, что в древнейшей эпохе не было ни моногамных ячеек, ни индивидуального представления об отдельном „отце“, или отдельной „матери“. Энгельс говорит о кровно-родственной семье: „Все деды и бабки в пределах семьи являются друг для друга мужьями и женами, равно, как и их дети, т. е. отцы и матери“ (изд. 1934 г., стр. 43), следовательно, дети знали не одного отца и не одну мать, а несколько „отцов“ и „матерей“, и в коллективе не могли иметь место те явления, какие описывает В. М. Подоров: „Отец часто уходил... на продолжительное время... забота ложилась исключительно на мать“ (стр. 19).

В разделе „Основные занятия населения“ (стр. 25—33), как и во всех других случаях, автор дает изложение не по стадиям, а формально, по каждому виду производства в отдельности. Три вида производства — охота, скотоводство и земледелие даны им без учета взаимного соотношения их значимости, и при отсутствии этого существенного момента изложенная схема неизбежно смыкается с буржуазными представлениями о трех последовательных ступенях культуры, характеризующихся этими производствами.

В разделе „Начатки разделения труда, обмена и ремесла“ сколько-нибудь конкретные данные начинаются в изложении В. М. Подорова только с X—XI вв., между тем накоплена значительная археологическая литература, обрисовывающая формы производственных отношений в гораздо более ранние времена. Все эти факты В. М. Подоровым совершенно игнорируются и он оставляет их без всякого внимания, обходя полнейшим молчанием такие явления, как существование внешнего обмена между Прикамьем и Скифией в эпоху, представленную Анапийским могильником, или наличие такого же обмена между Пермью и Ираном в эпоху Сасанидов. Вследствие неясности и сбивчивости общих представлений у автора, в этом разделе встречаются такие необоснованные и по существу совершенно неправильные утверждения, как, напр.: „Каждое племя, занимая ту или иную местность, развивало тот вид промысла, кото-

рый вытекал из экономических особенностей местности. Так в Печорском крае преобладало производство одежды, приготовляемой (sic! М. Х.) из оленьих шкур, в Камском бассейне — производство (? М. Х.) руды и выделка различных предметов домашнего обихода“ (стр. 35). Существование межплеменного обмена шитой одеждой В. М. Подоров не мог бы доказать никакими конкретными материалами, что же касается добычи руды, то почему В. М. Подоров ограничивает ее только Камским бассейном, когда на предыдущей стр. 34 он сам же говорит о добыче руды „и на Печоре“? Вопросы „относительно этнической принадлежности предметов XI—XIV вв.“ (стр. 35) автор ставит неправильно, подменяя понятием „этнической принадлежности“ представление о местном или же привозном происхождении данных вещей. Такая постановка вопроса — результат не критического отношения к археологической литературе старых и новых авторов. Незнакомство с правильным решением проблем этногенезиса неизбежно приводит автора к скатыванию в сторону буржуазной трактовки подобных вопросов, напр., к признанию статической неизменности понятия о племенах, в частности о самих коми на всем протяжении исторического процесса.

В разделе „Социально-экономический строй“ особенно отрицательно сказалось незнание с местными материалами: раздел содержит сведения о лопарях, об якутах и т. д., но о самих коми приведен только один конкретный пример, заимствованный из статьи Добровольского. Не будем перечислять дальнейших недостатков работы. Остановимся лишь на одной ошибке, имеющей существенное значение. В разделе „Противоречия первобытно-коммунистического общества“ В. М. Подоров трактует вопросы возникновения частной собственности на основе богдановской „теории“ постепенного перерастания родовых „организаторов“ в феодалов: „У организатора родового и в особенности племенного хозяйства при распределении общественных продуктов постепенно скапливались излишки, которые поступали в его личное распоряжение, которые с течением времени, в связи с все улучшающейся общественной техникой, ростом родового-племенного хозяйства — сделались постоянным явлением. Старший в роде эти излишки обращал на удовлетворение потребностей своей семьи и в дальнейшем, опираясь на свою власть, стал рассматривать последние, как свою собственность, что отличало его от рядовых членов рода“ (стр. 49). В. М. Подоров не делает никаких ссылок и скромно умалчивает об источниках, из которых он почерпнул эту „теорию“ мирного перерастания „организаторов“ в феодалов. Можно быть твердо уверенным, что он не пользовался ни археологическими, ни этнографическими источниками при разрешении этого вопроса. Действительным источником в данном случае несомненно явились работы Богданова.

Можно было бы еще долго перечислять ошибки, промахи и недостатки в работе В. М. Подорова, но и сказанного вполне достаточно,

чтобы признать ту часть его книги, где трактуются вопросы истории доклассового общества, мало удовлетворительной. Нельзя подходить к подобным вопросам, не зная хорошо конкретного материала, между тем В. М. Подоров не обнаружил подлинного знакомства с археологическими и этнографическими источниками по Коми краю. Беспомощность автора в этих вопросах ясно подсказывала ему кооперацию с другими научными работниками в данной области. Однако Подоров не пожелал организовать работу коллективно, остался до конца „единоличником“ и пришел к печальным результатам в своих индивидуальных усилиях, где обнаружилась вся слабость его знаний по части конкретных фактических материалов.

Георгий Виноградов

М. А. РЫБНИКОВА. ЗАГАДКИ

Academia, M. — Л. 1932.

За столетие, протекавшее с тех пор, как „народная словесность“ начала делаться предметом поисков и изучения, было выпущено у нас только два обширных сборника, специально посвященных русской загадке: „Великорусские загадки“ И. А. Худякова и „Загадки русского народа“ Д. Н. Садовникова.¹ Со времени выхода в свет собрания Худякова прошло семьдесят лет, а после напечатания сборника Садовникова первым изданием — более шестидесяти лет. За это время исследований загадки не появилось, но наблюдения над нею, ее жизнью в прошлом и настоящем, копилась и частично по разным поводам высказывались и фольклористами-этнографами и представителями других научных дисциплин — историками литературы, психологами, педагогами. Появлялись за это время сведения о записях загадок в разных местах (в отчетах ученых обществ) и самые записи — из многих мест, иногда из таких, откуда никто никогда их не добывал прежде (Поангарье, Колыма и пр.). Словом, накопилось вполне достаточно материалов и наблюдений, которые нуждаются в резюмирующем обобщении для выяснения наличного положения и для определения дальнейших научных путей. Так наметилась задача наших дней: объединить все наблюдения и накопления материалов, слить их с тем, что сделано Худяковым и Садовниковым, и таким образом получить *Corpus* русских загадок, для появления которого имеются все возможности, и итог изучения загадок, отвечающий уровню наших знаний о них. Вот при каких условиях,

¹ Небольших сборников — разного назначения, объема и исполнения — было много и до них, и при них, и после, но не об этих собраниях теперь речь. Огромный том Вл. Даля „Пословиц русского народа“, вместивший самого разнородного материала из области малых видов фольклора, содержит не одну сотню загадок, но это не специальный сборник, только попутно включивший материалы по загадке.

при каких ожиданиях зарождалась книга М. А. Рыбниковой, третий специальный сборник русских загадок.

В какой же мере ответила этим ожиданиям вышедшая в издании „Academia“ книга — изящный томик убористой печати, ставший редкой книгой тотчас по выходе в свет?

По своим задачам это не специально-научный труд для сравнительно узкого круга ученых фольклористов, а книга, рассчитанная на широкий круг читателей. При ее оценке именно это и нужно иметь в виду. Читатель неспециалист нуждается не в научении, которое он, если понадобится, найдет в учебном руководстве, и не в снисходительном к нему отношении, а единственно во внимании к характеру его потребностей и интересов. Написать книгу для широкого круга читателей — значит дать надежный свод существеннейших положений по избранной теме, которые в данный момент считаются принятыми учеными специалистами. Подобная задача достигается единственным путем: в основу создания неспециальной книги полагается строго-научное — свое или чужое — исследование излагаемого вопроса; ученый аппарат, частности, спорные положения в вопросе и другие свойства и особенности специального труда, не представляя интереса для рядового читателя, устраняются, но устраняются для читателя, а не для составителя книги, который непременно имеет все это у себя, но не утруждает этим своего читателя.

Сборник открывается авторским вводным словом: „Предисловие к собранию загадок“ (стр. 5 — 10). Оно содержит оправдание появления, определение задач новой книги о загадках, ее особенностей, в отличие от сборников предшественников, и историю ее происхождения. „Основная задача собрания есть, конечно, задача научного порядка“. Кроме того, „новые запасы загадок совершенно необходимы“ в целях прикладных: „этот вид острословия“ „культивируется“ для нужд школьного преподавания, для борьбы с „политическим и классовым врагом“ (стр. 5) и т. д. Помимо этих целей, „много и других,“ связанных, напр., с вопросами поэтики (стр. 6). „Генеральный смотр репертуара загадок“, „учет нашего словесного имущества“, — это „одна из основных целей собрания“. „Русские загадки не переучивались в течение более чем полувека. Сборников не было, отдельные записи были ничтожны“ (стр. 7). Предлагаемое собрание загадок „отличается [от собрания Садовникова] следующими особенностями. Наши загадки — определенного времени; никаких обогащений и округлений за счет прежних записей не производилось... Отличается наш сборник и расположением материала: по местностям“ (стр. 7). В сборнике „даны следующие места: Мценский район Орловского края... Архангельские загадки, с реки Пинеги... Сибирские томские загадки... Белорусские... Кроме того... выделены индивидуальные репертуары отдельных исполнителей... Выделен один семейный городской репертуар и одна отдельная деревенская записка... Рядом с томскими загадками даны особые иркутские дет-

ские загадки... Такова первая часть сборника. Вторая часть дает перечень загадок по тематическим рубрикам... В третьей части введен вне-фольклорный материал...—загадки одного селькора... и загадки ребят-школьников, писавших загадки по вызову учителей" (стр. 8).

Вводная статья — "Загадка, ее жизнь и природа" (стр. 11—68) — состоит из пяти небольших глав. Первая из них — "Предмет загадки" (стр. 13—22) посвящена тематике загадок и — попутно определению отношения загадки к пословице (стр. 16—17). Вторая глава (стр. 23—37) имеет задачей уяснить "социальную природу загадки", связь этого поэтического жанра с хозяйственной жизнью творцов и знатоков загадки, жизнью загадки в разных социальных группах. В третьей главе — "Жизнь загадки" (стр. 38—47) — речь идет о сохранении в быту "основного" — "векового, даже многовекового" — "запаса загадок" и о создании загадок, о "непрерывающемся процессе их творчества" "в наши дни".

"Жизнь загадки" автору представляется таким образом: "сперва рождается простой образ, зерно загадки; затем метафора прорастает новыми отпрысками смысла; найдя удачную форму и почву, живет; затем ветшает, вьветривается и рассыпается осколками слов" (стр. 43—44). О бытовании загадок, смысле и целях их использования, о современных знаках их говорится в главе четвертой: "Функция загадки" стр. (48—55). В последней, пятой, главе — "Загадочная поэзия" (стр. 56—68) — загадка рассмотрена со стороны композиции, стиля и языка. "По вопросу о поэтике загадок, — оговаривается автор, — можно было бы писать очень много; мы ограничимся... немногими замечаниями, как вводными по отношению к некоторым соображениям историко-литературного порядка" (стр. 61) — о "древних повестях и легендах", которые "представляют собой целиком диалоги из загадок и ответов на них" ("апокрифические сказания о Ките-врасе", о "премудрости царя Соломона", о "Беседе трех святителей") и о "некоторых литературных фактах недавних дней: символизме, футуризме, имажинизме, конструктивизме" (стр. 61—62). "В истории литературы... столкновение загадочной, насыщенной метафорами речи с речью простой, и непритязательной является одной из центральных тем. Проблема борьбы стилей может почерпнуть в анализе загадки и в изучении ее историко-литературной судьбы весьма существенные для себя материалы и соображения" (стр. 68).

Загадки, расположенные "по районам и исполнителям" (стр. 71—228), делятся на пять групп: мценские загадки — 480 текстов, архангельские — 258, томские — 433, кунгурские — 233 и сибирские детские загадки — 92 текста; всего почти полторы тысячи номеров. Белорусские загадки (стр. 179—228) представлены 617 текстами. "Загадки по тематическим отделам" (стр. 229—414) включают 2045 текстов. "Внефольклорный материал" (стр. 415—458) представлен 475 номерами. Весь сборник загадок составился, таким образом, из 4633 номеров. К сборнику приложен "Алфавитный справочник" (стр. 459—486).

Самым полным собранием до сих пор были "Загадки русского народа" Д. Садовникова, с которым сравнивает свою книгу М. А. Рыбникова (стр. 7). У Садовникова представлено 2504 текста, т. е. почти вдвое меньше, чем в рецензируемом сборнике. Уже один объем нового сборника, количественная сторона заключающегося в нем материала, обещают ему самое видное место в нашей литературе, посвященной этому поэтическому жанру. Этот момент можно избрать за начальный при разборе новой книги о загадках. "Учет" нашего "словесного инвентаря", который составляет одну из задач составителя нового сборника, можно делать при условии, если имеешь какую-нибудь единицу сравнения. Следуя за ним, мы в качестве такой единицы выберем сборник Садовникова.

Оставляем в стороне "внефольклорный материал": он включает около полутысячи (475) текстов, сочиненных селькорами и школьниками. Совершенно случайными, непонятно по каким основаниям включенными, являются и белорусские загадки — также несколько сот.

Таким образом, целой тысячей текстов новому сборнику следовало бы поступиться.

Остающийся объем (в 3500 текстов) также не оказывается устойчивым. Сличение разных отделов или даже отдельных страниц в границах одного и того же отдела обнаруживает, как часто собирательница вынуждена повторять один и тот же текст два раза, иногда и более. Наугад взятые сто сорок текстов (мценские загадки, №№ 234—373) дают в тесных границах "местного репертуара" не менее тридцати пяти случаев повторений¹; другими словами, из 140 текстов выпадает по крайней мере 35. Приведенный случай — только один пример из длинного ряда подобных. Не решаясь брать на себя задачу точнейшего подсчета на всем протяжении сборника, допускаю — едва ли с очень большим риском — возможным сохранить такую пропорцию для всего сборника и, определяя объем сборника приблизительно в 2700 текстов, считаю его в отношении объема мало разнящимся от книги Садовникова.

Причины такого несоответствия кажущегося и действительного объема нового сборника загадок заключаются, разумеется, не в желании составительницы искусственно "раздуть" объем своей книги, а в ее ошибке, допущенной при распределении материала. Она размещает его по географическому принципу, думая, что и "к загадкам нужно... применить то, что давно соблюдается по отношению к сказкам и песням, т. е. печатать их по районам" (стр. 7). Априорно устанавливать какие-либо принципы — дело рискованное. То, что пригодно для словесных произведений значительного объема, живущих иной жизнью, далеко не всегда применимо в отношении к малым видам фольклора. Малые виды, в том числе и загадка,

¹ № № 234—392, 235—391; 241, 242—393, 254—396, 260—398, 248—401; 295, 296, 297—403, 298—406, 299—405, 302—407, 305—408, 319—410, 333—411, 334—412, 337—413; 339—415, 340—416 и пр. и пр.

удобны для быстрого запоминания и чрезвычайно легкого распространения; они наделены устойчивой формой, и это спасает их во всех условиях существования от гибели и быстрых изменений; „местных признаков“ в них отрицать нельзя, но их гораздо меньше, чем усматривает собирательница, и это делает загадку жанром гораздо меньше, чем прочие, связанным с местом ее происхождения или первоначального появления. В результате малой связи этих произведений с их „родиной“ получилось, что одни и те же загадки в большей части случаев встречаются в разных концах страны: в азиатском Приморье и в Озерной области, в Приамурье и на Дону и т. д. Собирательница по другому поводу сама приходит к выводу, что „наблюдения над сибирскими загадками говорят об однородности языка и тематики этих загадок с загадками нашей центральной полосы. Некоторые небольшие запасы своих тем и вариантов не делают однако этих загадок особыми“ (стр. 127). В этих словах достаточный мотив, если не для отказа от применения географического принципа размещения загадок в сборнике, то для того, чтобы поколебать уверенность в целесообразности его применения. Но составительница сборника не приняла своих собственных слов во внимание, как не приняла прежде сделанных чужих наблюдений и указаний на то, что границы географического распространения загадок много раз нарушались переселением их носителей.¹ Распределение по районам, в случае принятия его, все же могло бы быть только началом классификации. Ведь в пределах каждой „районной“ группы загадок требуется новое упорядочение материала, по какому-то иному принципу...

Так как книга Рыбниковой является, в сущности, механическим соединением нескольких небольших местных сборников загадок в один объемистый, то и оказалось неизбежным одни и те же тексты печатать в разных местах одного собрания. Применяя *reductio ad absurdum*, можно спросить: сколько же раз пришлось бы повторить многие сотни текстов собирательнице, если бы ей посчастливилось завести корреспондентов во всех бывших 77 губерниях нашей страны?²

Географический принцип оказался несостоятельным и при попытках обнаружения особенностей описываемого жанра со стороны его философско-поэтического содержания и при желании собирательницы показать тематические богатства жанра. Она была вынуждена, не используя результатов своей классификации, заняться новой обработкой того же материала и ввести вторую часть сборника: „Загадки по тематическим отделам“, т. е.

в основном вернуться к приему Садовникова. Таким образом, новшество в распределении собранного материала ни к чему положительному не привело.

Удачнее разрешена другая принятая на себя собирательницей задача — собрать современный материал, в виду того, что „новые запасы загадок совершенно необходимы“ (стр. 5). Оставляя в стороне вопрос о самой постановке проблемы, не бесполезно остановиться на результатах.

М. А. Рыбникова уклонилась от трудностей кропотливого сличения собранных ею богатств с содержанием книги своего предшественника. Читатель, взявший этот труд на себя, видит, что из 480 текстов мценских загадок новыми, по сравнению с текстами Садовникова, оказываются около ста текстов разного достоинства; из 258 архангельских загадок неизвестными Садовникову осталось около восьмидесяти текстов. По поводу томских загадок собирательница говорит, что „в них почти все то же, что знаем в Москве, Орле и в Ярославле“ (стр. 127). Если в этой части сличить текст за текстом по Рыбниковой и Садовникову, то слово „почти“, можно сказать, устраняется из приведенной цитаты: тексты, о которых идет речь, оказываются современными Рыбниковой (видящей отличие своего сборника в привлечении только современных загадок) в той же мере, в какой они были современны Садовникову.

Хотя собирательница находит, что среди ее кунгурских загадок „много своеобразных, не повторяющихся“ (стр. 15.), на проверку выходит, что немалая часть их „повторена“ Садовниковым. „Сибирские детские загадки“ являются повторением загадок взрослых или скопом их, и современного в них оказывается также очень немного.

Подводя некоторый итог этим наблюдениям, можно сказать, что нового, т. е. неизвестного Садовникову,¹ в записях Рыбниковой сравнительно немного, — приблизительно 500 — 550 текстов разного достоинства, включая сюда и загадки-новотворки.

Если к этому прибавить, что тексты загадок у Садовникова печатаются со множеством вариантов, что большая часть их — лучшей сохранности и пр., то возникает мысль: не лучше ли было собирательнице взять на себя более скромную, но не менее полезную задачу: издать только прибавление к „Загадкам“ Садовникова — из своих сборов или более обширное прибавление из собственных сборов plus все то „новое“ из после-садовниковских печатных источников, что оказалось неизвестным составителю сборника загадок в 1875 г. Еще более было бы желательно, если бы М. А. Рыб-

¹ Н. Н. Виноградов. „И. П. Сахаров и его «Русские народные загадки и притчи»“, Журн. мин. нар. просв., 1905, VI, стр. 247.

² Некоторую неловкость испытывает читатель „Загадок“ и при виде борьбы составительницы сборника с непреодолимыми препятствиями, встречаемыми при определении „районов“; так, напр., наряду с группой сибирских загадок дана группа загадок томских...

¹ „Новым“ материалом здесь условно называем тот, что получается путем вычета текстов Садовникова из сборника Рыбниковой. Надо помнить, что из получающейся разности следует еще вычесть содержание послесадовниковских сборов. Эта операция тоже лежала на обязанности лица, предпринявшего „генеральный смотр репертуара загадок“ и „учет нашего словесного имущества“ (стр. 6).

никова, взамен издания сборника загадок, в значительной мере повторяющего труд Садовникова, взяла на себя задачу — переиздать „Загадки“ Садовникова, увеличив его объем и несколько изменив содержание за счет тех (немногих) текстов, которые в ее записях оказываются лучшими, за счет текстов-новотворок, наконец, за счет всех накоплений разных собирателей, которые дают что-либо новое в собрание Садовникова. Это была бы почтенная и благодарная задача. При этом труд собирательницы не пропал бы даром; принадлежащая ей честь никак не умалилась бы, а фольклористы имели бы Corpus русских загадок, раньше появления которого надлежащее изучение загадок невозможно.

Что мы уже знаем о загадке и что мы теперь должны о ней доузнавать? — вот с какими вопросами должен был приступить фольклорист к работе о загадке в наши дни. Первый из них — самый ответственный, определяющий.

Игнорирование его, полное отсутствие внимания к тому, что сделано предшественниками для изучения загадки, ставит составителя новой книги в кра не деловое положение. Едва ли можно так смело утверждать, что после 1875 г. „сборников [загадок] не было, отдельные запасы были ничтожны“ (стр. 7), когда известно, что загадки непрерывно притекали в научный оборот и до этой хронологической даты и после. Как можно замолчать вклады в дело изучения загад и Шейна,¹ Романова,² Зеленина,³ Чубинского,⁴ Добровольского,⁵ Булычева,⁶ Панаева,⁷ Горбунова,⁸ Славнина,⁹

¹ П. В. Шейн „Материалы для изучения быта и языка русского населения северо-западного края“, П. СПб., 1893, стр. 485—499.

² Е. Р. Романов „Материалы по этнографии Гродненской губернии“, вып. 1. Вильна. 1911, 86—94.

³ Д. К. Зеленин „Описание рукописей архива Русского Географического общества“. Вып. 1 — III. Пгр 1915—1916 (Тексты загадок встречаются на многих страницах этой этнографической энциклопедии).

⁴ П. П. Чубинский „Пословицы, загадки, коловство“. „Труды этнографическо-статистической экспедиции в западно-русский край“, т. I, вып. 2. СПб., 1877, 305—317.

⁵ В. Н. Добровольский „Загадки, записанные в Смоленском уезде“, „Живая Старина“, 1905, I—II, 77—96.

⁶ Н. П. Булычев „Сборник примет, поверий, пословиц и загадок, записанных в Ирбитском уезде“, „Записки Уральского общества любителей естествознания“, т. III, № 2. Екатеринбург, 1876, стр. 118—119.

⁷ Ф. Панаев „Сборник пословиц, поговорок, загадок... собранных в Соликамском уезде“. Там же, т. VII, вып. 3, 1883, 120—122.

⁸ Г. Горбунов „Сказки, приметы, поговорки и загадки, записанные в Ставропольской губернии“, „Сб. мат. для описания местностей и племен Кавказа“, вып. VII, Тифлис, 1889, 63.

⁹ „Сборник загадок для детей“. Составлен учениками... под руководством... К. Славнина. „Живая Старина“, 1898, III—IV, стр. 425—436.

Арефьева,¹ Станиловского,² Чеканинского,³ Скорнякова,⁴ и еще многих.⁵

Из этого — заведомо неполного — перечня литературы видно, что загадкам собирателями уделено неизмеримо больше внимания, чем это представляется М. А. Рыбниковой; ими не забыты самые отдаленные и самые „глухие“ края.

Располагая литературой только в пределах этих совсем неполных указаний, едва ли можно характеризовать работу своих предшественников указанием на такой „пример“, когда два собирателя (братья Соколовы) дали только „около десятка загадок“ (стр. 7); почти в каждом из только что названных собраний загадок содержится от 100 до 400 текстов.

Точно также едва ли можно, вменив себе в задачу „учет нашего словесного имущества“, отказаться знать о работе предшественников в этом направлении. Только при подобном „учете“ Худяков мог написать свое замечательное введение к сборнику загадок, как и Садовников смог влить в свое собрание накопления прежних собирателей.⁶ Достаточно только это знать, чтобы не говорить читателю, будто загадки у нас только „собирались и издавались“ (стр. 7). Загадки у нас не только собирались, но и изучались. Наблюдения и суждения, высказанные на страницах вступительной статьи М. А. Рыбниковой, в большей и положительной их части нельзя признать новее наблюдений, замечаний и суждений Даля, Садовникова и в особенности Худякова. Человек исключительной судьбы, талантливый ученый и революционер, основоположник изучения русской загадки, Худяков ничем не обратил

¹ В. С. Арефьев „Образцы народной словесности. „Материалы по этнографии Енисейского уезда“, „Изв. Вост.-Сиб. Отд. РГО“, т. XXXII, № 1—2, 108—117.

² А. М. Станиловский „Записки“, „Труды Вост.-Сиб. отд. РГО“, № 7, Иркутск, 1912, стр. 117—121.

³ И. Чеканинский „Несколько народных загадок [из Енисейской губернии]“, „Сибирский Архив“, 1913, № 9—11, стр. 421—423.

⁴ Н. В. Скорняков „Приангарский край в этнографическом отношении“, „Сибирский Наблюдатель“, 1901, кн. II, стр. 8—9.

⁵ Исследователь не может пренебречь и такими несовершенными изданиями, которые не преследовали научных целей, как например: Е. П. Жданов „Загадки русского народа“, М., 1887. [Сборничек содержит 373 загадки без указания на источники. В сравнении с Садовниковым включает несколько „новых“ текстов]. [Анонимное] „Собрание загадок с отгадками“. Курск, 1887 [того же типа, что и предыдущий; включает в себе 356 текстов]. П. Е. Литвиненко (собрал и иллюстрировал), „Русские загадки“, М., 1912 (86 текстов; среди них — „новые“ по сравнению с Садовниковым). Пометка на обложке: „для детей“ не устраняет книжку с поля внимания исследователя загадки.

⁶ Объективную характеристику сборника Садовникова дает Н. Н. Виноградов, назв. соч., стр. 234—237, 246—247.

на себя внимания автора книги, посвященной именно этому жанру. Лучший в нашей литературе его сборник загадок¹ в новой книге назван вопиюще небрежно, — настолько, что самое указание на него теряет смысл (стр. 52, выноска: И. Худяков. Этнографический Сборник, кн. XI, 1861 г. „Великорусские загадки“), и, можно сказать, никак не принят во внимание, словно по уговору с автором статьи в Литературной Энциклопедии (т. IV, стр. 264—270), где под словом загадка имя Худякова так же затерто, как никому неведомая его могила в безродном „больничном углу“ Иркутского кладбища.

Статья И. А. Худякова является первым исследованием о загадке, и у нас до сих пор ничем равноценным не заменена. Забвение таких предшественников по труду ведет к тому, что работы отдельных авторов представляют собой разрозненные ручьи разной величины и значения, которые никогда вместе не сливаются и не образуют единого потока, именуемого научным сотрудничеством, рождающим научное движение. Здесь и кроется основная причина того, что появление нового сборника не знаменует собою шага вперед в изучении загадки — ни в целом, ни в частях.

Важнейшей своей задачей автор вводной статьи, как ясно из ее общего заглавия, поставил выяснение „природы загадки“. Определить природу загадки только через анализ текстов невозможно. К этой работе надо прибавить — раньше или после — другое: рассмотрение условий бытования, применения загадки, а это, в свою очередь, можно выполнить через изучение обстоятельств и условий проникновения к нам загадок из разных источников, путей проникновения их в различные социальные слои. Автор берет первые, или ранние, звенья на этом пути и последние, позднейшие, ведет путь от „Беседы трех святителей“ и кончает Сахаровым — Далем — Садовнико-

вым. Для серьезного подхода к обсуждению поставленных вопросов не хватает весьма существенного звена, к которому неосредственно прилагается указанное последнее звено: источники, из которых образовался репертуар загадок в начале XIX, в XVI и в XVII вв. После работ Симоны¹, Виноградова² и прилегающих сюда молчать об этом, как о совершенно неизвестном или не существующем, уже нельзя.

Природа загадок выясняется не только из изучения источников, приносящих загадку, но и из рассмотрения ее назначения, условий и характера ее исполнения. У М. А. Рыбниковой, не признающей предшественников, речь на эту тему опирается на очень небогатый материал. А правильнее было бы поступить иначе. При неимении личных наблюдений и располагая скудным запасом других лиц, надо было бы использовать все фонды относящихся к теме сведений. Если наша специальная, этнографическая и фольклористическая, литература мало приходит на помощь, должно обратиться к мало эксплуатируемым страницам беллетристов-бытописателей и в данном издании особенно. По связи с обсуждаемой темой вспоминаются сочинения Михайлова³, Мея⁴, Данилевского⁵, Григоровича⁶, Мельникова-Печерского⁷; здесь же стоит вспомнить Полонского⁸ и др. Для ответа на вопрос о бытовании загадки, поводах к исполнению, о характере исполнения и пр. у названных писателей дан незаменимый материал; даны и тексты. При обращении к этому источнику лишний раз подчеркивается необоснованность неосторожной ссылки на то, что „записи были ничтожны“. Их ничтожество ничуть не больше нашего незнания их. Игнорирование записей и свидетельств, идущих от беллетристов,

¹ П. К. Симоны „Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч.“ XVII—XIX ст. Изд. Академии Наук, СПб., 1899.

² Н. Н. Виноградов, назв. соч.

³ М. А. Михайлов „Святки“ (1853). Полное собр. соч., изд. Маркса, СПб., т. IV, стр. 251. „Деревня и город“ (1856). Там же, стр. 309.

⁴ Л. Мей „Лесные диковинки“ (1859). Полное собр. соч., изд. Маркса, СПб., 1911, т. II, стр. 430—431. „На паперти“ (1859). Там же, стр. 443—444.

⁵ Г. П. Данилевский „Соколиная охота“, „Из Украины“, ч. I, СПб., 1860, стр. 167—169.

⁶ Д. В. Григорович „Прохожий“. Полное собр. соч., изд. Маркса, СПб., 1896, т. VII, стр. 37.

⁷ П. И. Мельников (Печерский) „На горах“. Собр. сочинений, изд. Маркса, СПб., 1909, V—VI. Мельников, не в пример своим сечас названным современникам, не рисует картин загадывания загадок, а показывает загадку в особых условиях ее бытования — вплетенную в ткань повседневной разговорной речи, ставит загадку на грани с пословицей и поговоркой.

⁸ Я. Н. Полонский „Лесные чары“. Полн. собр. стих., изд. Маркса, СПб., 1896, т. V, стр. 80—82.

¹ И. А. Худяков „Великорусские загадки“, М., 1861 [Вступительная статья, стр. 1—9, обнаруживающая хорошее знакомство с русской и иностранной литературой вопроса. Тексты (№№ 1—731), стр. 11—86. Примечания, стр. 87—116]. Через три года этот труд вышел — под тем же заглавием — новым изданием; см. „Этнографический Сборник“ РГО, VI, СПб., 1864. [Вводная статья, стр. 1—34: Значение загадок в народном быту и поэзии. Народная загадка, как форма поэзии. Главные периоды развития великорусской загадки. Тексты (№№ 1—1705), стр. 35—128].

Худяков учел и ввел в свое собрание, видимо, все, что было сделано до него собирателями русской загадки. Им приняты во внимание и сборники загадок XVIII в. (указано семь названий, стр. 31—32). Насколько внимателен он к „учету“ специальной литературы, показывает его библиография загадки за 1842—1863 гг. (стр. 33). С неоспоримым правом он мог заявить, что его „сборник является исходным пунктом для дальнейших изысканий“ (стр. 34).

далеко не всегда оправдано, а в данном случае особенно следует дать себе отчет, что могут представлять собою записи и показания Михайлова, Данилевского и пр. в отличие от показаний и записей фольклористов, раз эти писатели сами прикосновенны к «народоведческому изучению». Недостаточное использование доступных источников сказывается не раз в суждениях М. Рыбниковой о «природе загадки».

М. А. Рыбникова видит в загадке «прием опознания и утверждения мира» (стр. 54); она находит, что пословица — философична, «стоит... на грани поэзии и философии»; загадка же — «поэтична по преимуществу» (стр. 17). Никто не может препятствовать держаться такой точки зрения, но надо все же учесть и другие, и при их наличии — показать преимущества своей¹. М. А. Рыбникова совершенно умалчивает о наличии в литературе иной трактовки загадки и не видит необходимости в большем развитии своего положения.

Все это привело в результате к недостаточному пониманию входящих в загадку частей. Осталась непонятой роль отгадки. Загадка существует, в конце концов, ради отгадки, из-за отгадки, имеет в виду отгадку. Без отгадки нет смысла в загадке. Недостаточно вникнув в связь между загадкой и отгадкой, Рыбникова находит возможным утверждать, что «отгадка переходит с предмета на предмет» (стр. 45) и т. д.

¹ Ее утверждение можно признать правильным, но только по отношению к части загадок. Психическую деятельность, в результате которой получается отгадка, во многих случаях нужно рассматривать, как сложный процесс художественного творчества, в котором логические процессы, видимо, играют роль промежуточных и вспомогательных членов. Однако нельзя забывать, что есть другие группы загадок, на которые этот вывод не распространяется. Утверждение автора порочно по тенденции придать частному наблюдению значение общего вывода. Такой промах неизбежен при игнорировании вопросов классификации изучаемых произведений. Наша литература знает загадки, основанные на отвлечении внимания от смысла и сосредоточении его на звуках (ср. И. И. Лапшин, «Философия изобретения», 1922, I, стр. 118), загадки двусмысленные, направляющие внимание в область образов другого порядка (ср. В. Шкловский, «Техника романа тайн», «Леф», 1924, № 4, 125—128 и др.), загадки-задачи (ср. «Отечественные записки» Павла Свиньиного. СПб., в типографии Н. Греча, 1818, стр. 192. — А. Архангельский, «Село Давшино Ярославской губернии», «Этногр. сб. РГО», вып. II, СПб., 1854, стр. 75—79, в особенности 79—89), так наз. духовные загадки (ср. «Письма И. С. Аксакова, Н. П. Барсукова и др. к библиографу С. И. Пономареву», изд. Бухгейм, М., 1915, стр. X) и др. Все эти виды загадок plus шарady и даже так наз. «армянские» загадки собраны и в книге Рыбниковой, но они не классифицированы, не описаны и потому не могут быть правильно охарактеризованы.

В действительности же таких «переходов» нет, и разные отгадки одной и той же загадки не находятся в противоречии друг другу. Обычно все отгадки — правильны, но являются выражением разных степеней приближения к самому правильному решению заключенного в загадке вопроса. Чем больше признаков описываемого в загадке предмета или явления улавливает отгадка, тем она правильнее, т. е. точнее, и чем менее признаков в описываемом предмете узнает, тем она менее правильна, т. е. менее точна (выразительный пример — у Полонского). С этой точки зрения общие обозначения групп предметов или явлений («домашние животные», «сельскохозяйственные орудия», «инвентарь» и т. п.) являются уже отгадками — малой степени приближения; в них больше родового, меньше видового, в них частности убраны, остается общее. СобираТЕЛЬНИЦА не вникла в природу отгадки и потому не отмечает разных отгадок одной и той же загадки, не видит в отгадывании логического упражнения или работы художника, обводящего контуры на данных туманных очертаниях, и потому принуждена запоминать отгадки; при попытках самостоятельно отгадывать — теряет дорovou: перестает улавливать определяющие признаки предметов и явлений и — сказать к примеру — зачисляет подушку в разряд одежды (стр. 139, № 206), а к мебели причисляет перину (стр. 119, № 175) и вообще постель (стр. 119, № 176); к одежде же отчисляет гребень (стр. 139, № 200), полотенце (стр. 139, № 207), скатерть (стр. 140, № 212) и т. п.

Впрочем, метод собираТЕЛЬСКОЙ работы, примененный Рыбниковой, не может обеспечить ни надежности записей, ни полноты и обстоятельности наблюдений. И в этом отношении сборники Худякова и Садовникова стоят выше: авторитетные составители их сами были опытными собираТЕЛЯМИ.

Суждения о загадке, построенные не всегда на надежном материале, но при большом доверии к нему, должны в известной мере отразить недостатки методов собирания. Так, речь о создании загадки (стр. 41—44) — это только материал к вопросу, материал, который в этом количестве и в этом виде не способствует какому-либо решению.

Суждения о загадках старых и новых записей представляются мало убедительными. «Свежая загадка, живая, «на корню» сохраняет максимальную динамику — она повествовательна по преимуществу. Таковы архангельские загадки моего сборника» (стр. 25). Какие признаки сообщают похваленным загадкам свежесть, живость и пр.?

«Они изобилуют диалогами; они ведутся в первом лице; в них чрезвычайно мало статического. Все предметы двигаются, бегут, скачут, льются, звучат» (стр. 25). Всем этим признакам (диалог и пр.) отвечают многие загадки Садовникова. Они были и остаются «свежими», «живыми» не только в этом сборнике, но и в старом.

В экономически развитом крае «меньше диалогов, исчезает первое лицо, утрачивается глагольность» (стр. 25). Суждения эти опира-

ются на небольшой материал мценских загадок, которые в большей их части находятся в сборнике из других мест — у Садовникова.

Почему думать, что „крестьянская история горшка“ попала в семинарский обиход и здесь по-новому обрабатывается? (стр. 33). Она может там обрабатываться независимо от „крестьянской истории“ — раньше, одновременно и после сложения „крестьянской“ загадки.

Известно, какими разнообразными путями шла загадка в простонародную среду (даже обложки дешевых конфет были распространительницами загадок; о календарях¹ и говорить нечего). Среди этих путей надо особо выделить семейные журналы разного рода, где печатались загадки и в целях рекламы и по иным поводам. Многие из текстов, относимых Рыбниковой к „мещанским загадкам“ (стр. 34, 35) „про лед“, „про арбуз“ и пр., известны, несомненно, из этого источника. По какому признаку Рыбникова относит их к „мещанским загадкам“, сказать трудно: об их происхождении она не говорит; не выводит определения и из анализа текстов, да и материал ее очень незначителен. В такой же степени неясно, почему небезызвестную частушку в форме загадки надо рассматривать не как самостоятельное возникшее произведение, а непременно, как „обработку“ текста загадки: „сам верхом, а ноги за ушами“? Роднит их только общая тема. Образы совершенно разные (там — верховой, здесь — колеса и оглобли), и лексика совпадает единственным словесным сочетанием „за ушами“ (стр. 34—35). Не более убедительна ссылка и на другой предмет „трансформаций“ (стр. 35) текстов загадки. Той же цены утверждения относительно „переделок известных крестьянских загадок“ издания 1781 г. (стр. 35—36). С большим правом можно предполагать обратное явление. Подобно тому, как малые виды выделялись из баен и пр. (Потебня), так заключительные стихи значительной по объему загадки „про нос“ обособились и ушли „в народ“. Подобные примеры мы знаем из области детского фольклора. Прикрытие утверждением Аагпе, будто в загадках „первоначальный вариант — простейший“ (стр. 36), нельзя считать спасительным: привлечение и широкое использование форм „подлой“ поэзии в XVIII в. — дело темное, его надо еще доказывать; использование книжных источников, заимствования „народом“ из них — дело известное. Формы использованных книжных писаний сложнее того, что дается в устных их переработках. На этот раз и одобрение финскому фольклористу, высказанное Рыбниковой („он совершенно правильно утверждает“ и пр., стр. 36), не делает слов А. Аагпе более убедительными, чем они были в момент их написания. Не более доказательны характеристики „семейных репертуаров“. Один из них Рыбникова находит „чрезвычайно типичным для горожан“ (стр. 95). Тексты, входящие в этот репертуар, свидетельствуют против та-

кого утверждения (см. №№ 335, 360, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 395, 397, 398, 399...): они имеют темой землю, овцу, жука, гриб, капусту, мельницу, серп, урожай и т. п.

С такой смелостью суждений и утверждений как-то не вяжется робкая речь автора о загадке на свадьбе (стр. 49), — речь в основе своей правильная, но не получившая полного развития и обоснования. „Загадки загадываются и в [разные] моменты свадебного обряда, когда ведут молодых спать. Именно в связи с этой сексуальной установкой мы имеем среди загадок громадное количество двусмысленных“. В этих словах все верно, но есть некоторая неясность: не так надо обозначить момент исполнения, не так представляется автору характер исполнения. Если бы привлечь больший материал, то объяснились и корень, давший этот жанр загадки, о которых уже XVII век отзывался нелестно: „Загадки гадки, а отгадки с души прут“ (Симони, стр. 106, № 1072). Видимо, корень их тот же, из которого вышла свадебная эротическая песня. Позднее, надо думать, этот жанр загадки — столь соблазнительный — откололся, в сознании большинства исполнителей утратил связь с почвой и своим корнем, получил самостоятельное существование.

Глава о „загадочной поэзии“ (стр. 56—68), если бы изменить ее название, устранить небрежную игривость изложения и суждения о поэзии Маяковского, Пушкина, Блока, Есенина, Хлебникова, Д. Бедного (потому что суждения в этом виде не способствуют раскрытию темы), могла бы считаться самой обдуманной во всей книге. В настоящем же своем виде глава эта примыкает к „Книге об языке“ того же автора, дает дополнительные страницы к ней, т. е. к книге другой темы и другого назначения. Уже самое начало главы не может считаться благополучным. „Загадка и загадочность отвечает исконным потребностям человеческой психики“ (стр. 56). Загадка в нашем значении слова и загадочность — явления разного порядка. Загадка, как поэтический жанр, все-таки развлечение, если угодно, умное, полезное развлечение. Загадочность — явление иного порядка, хотя слово и того же корня; здесь элемент забавы совершенно отсутствует и пр. Что касается „исконности“, то относительно „загадочного“ можно и так думать, т. е. быть заодно с М. А. Рыбниковой, а о загадке, как литературном явлении, едва ли. Этот пример неосторожного обращения с словом далеко не единственный. „Перед нами тот вид фольклора, который нуждается в регистрации и изучении“ (стр. 5). Это сказано о загадке. О каком жанре этого сказать нельзя? „Загадки — самый значительный поэтический жанр“ (стр. 6). В сравнении с чем? В каком отношении?

Читаю и не сразу понимаю: „Дикие звери [в загадках] даются в их опасности по отношению домашних животных“ (стр. 13). „Характеристики птиц... дают зрительную их [птиц?] характеристик?“ (стр. 17). „Загадки дают их [изображаемые предметы] глазами производителя.“ (стр. 23). О таком легком жанре так трудно написано: „Загадки слу-

¹ Алексей Покровский „Календари и святцы“, М., 1911, стр. XXIX.

жат цели фиксации взаимосвязи вещей" (стр. 18), „диалоги отгадываются... двумя предметами" (стр. 18), „ботинок воспринимается в его хозяйственном генезисе" (стр. 19), „птичи метафоры" (стр. 59) и мн. др. Отражается на языке автора и торопливость суждений. То и дело читатель находит оборот „хотя бы": „Отвечает хотя бы эта известнейшая загадка" (стр. 20). „Вот хотя бы несколько мценских загадок" (стр. 20); подобное находим на стр. 42, 43 и др.

Небрежными и незаботливо выполненными представляются и пояснения к отгадкам, встречаемые в очень немногих случаях.

Лексический состав загадок не всегда поддается полному уяснению; все же совершенно оставить читателя без словаря (или хотя бы словоуказателя) к текстам и отгадкам значит сделать существенное упущение. Килка (стр. 111), шикшила (стр. 114), переграда (стр. 115), мануфурок (стр. 116) и т. п. слова встречаются на многих страницах. Оставаясь не разъясненными, они делают неясными многие тексты сборника. Необходимость приложения словаря автор понимает, он пытается заменить его — в отдельных местах — подстрочными пояснениями, но эти пояснения не отличаются ни полнотой, ни ясностью, ни простой вразумительностью, как можно судить по нескольким примерам. „Бодреки — толстые цветы такие — на межах растут" (стр. 111). Видимо, это — запись „из уст народа", но от этого пояснение не становится точнее или определеннее. „Пучки — трава; ее едят, высасывая сок" (стр. 111). „Помело делают из основных ветвей и привязывают к шестку" (стр. 118) и т. п. При всей малосостоятельности этих объяснений, они служат указанием на неотложную частную задачу в изучении загадок, на необходимость уделить внимание языку загадок, прежде всего их лексике и синтаксису.

Тема о загадке в том объеме, в том составе входящих в нее частей, какие определялись задачами рассматриваемой книги, оказалась едва начатой. Вводная статья о загадке фольклориста ни в какой мере не удовлетворил по причине ее крайней элементарности, малосодержательности, необоснованности. Рядовому читателю она дает очень мало — отчасти по тем же причинам, а отчасти и в силу неотчетливости изложения. О собраниях текстов уже сказано. Ценность его в том, что оно содержит несколько сотен „новых" текстов, т. е. таких, которых не знал Садовников. Но не только в этом. Сборник М. А. Рыбниковой дает возможность читателю сделать некоторые выводы, интересующие ученого. Заключающийся в нем большой материал обеспечивает ответы на вопросы о географическом распространении „старых" и „новых" текстов загадок, об устойчивости жанра, об умирании загадок, о процессе разложения текстов, об источниках и путях появления загадок-новотворков. Правда, собирательница молчаливо уклонилась от выполнения этой части своего труда, предоставив читателю самому извлекать возможные ответы на вопросы о загадке. Все же мы имеем новое дополнение

к нашим классическим собраниям загадок — Худякова и Садовникова, — не вполне ответившее поставленным себе задачам и ожиданиям фольклористов, но не бесполезное как по наличию скопленного в нем материала, так и по кроющимся в материале возможностям расширить наши изучения русской загадки.

М. Пальвад্রে и М. Худяков

„Калевала" — перевод А. П. Бельского под редакцией Д. В. Бубриха. Предисловие И. М. Майского. Изд. „Academia", М. — Л. 1933.

Свою вводную статью к названному изданию „Из истории Калевалы" Д. В. Бубрих начинает совершенно основательным указанием на связь интереса к народной поэзии с ростом и укреплением финляндской буржуазии: „Первая половина и середина XIX века — эпоха начала укрепления финской буржуазии, начала подъема сознания национальности в финских буржуазных кругах... финская народная поэзия должна была показать, что финны в древности сумели создать поэтические произведения, по красоте не уступающие эллинским. Особенные надежды возлагались на финский народный эпос: финские народные эпические руны могли пойти в сравнение с песнями Илиады" (стр. IX). Финляндская буржуазия усиленно пробивала себе путь к тому, чтобы занять равноправное место среди капиталистических стран Европы.

Присваивая себе право говорить от имени всей нации в целом, финляндская буржуазия была озабочена тем, чтобы подыскать себе „великих предков", которым можно было бы приписать совершение в прошлом героических подвигов и великих дел. Наличие „великих предков" должно было поднять политический престиж финляндской буржуазии как на внешнем рынке, так и внутри страны. Выдвигая финляндский народ в ряды „великих" наций, обладающих мировыми произведениями художественного творчества, местная буржуазия добивалась признания своего равноправия с прочими хищниками мирового капитализма. Внутри страны умелое использование народных рун в классовых целях помогало буржуазии воспитывать массы трудящихся в желательном для себя направлении, тем самым укреплять свое господство и усиливать эксплуатацию крестьян и рабочих.

Все силы финляндской буржуазной интеллигенции были направлены на отыскание „великих предков" финляндского народа. Все представители исторической науки были мобилизованы для этой цели: лингвисты сначала доказывали родство финского языка с греческим и еврейским (Д. Юслениус), затем задались целью доказать родство, по крайней мере, с шестую часть человечества (М. А. Кастрен) (См. Т. Рейн. Иог. Вильг. Снельман. СПб, 1903, стр. 152), включая сюда все тунгусоманьчжурские и тюркские племена, археологи искали „великих предков" современных финляндцев на Алтае, на Енисее и на Орхоне;

этнографы лелеяли мечту о культурно-этническом единстве Приуралья и Поволожья с Финляндией, стараясь обосновать идею финляндской буржуазии о великой Финляндии.

Когда в Карелии были найдены руны о древних героях, финляндская буржуазия тотчас же ухватилась за эту находку и постаралась в полной мере использовать ее для своих классовых целей. Карельские народные песни были объявлены национальным эпосом финнов. Финляндская буржуазия наложила свою руку на карельскую былинную поэзию и объявила создателей этих былин своими великими предками, а не предками карелов.

Финляндская буржуазия, решившая признать в Калевале национальный эпос финнов (суоми), потратила не мало хлопот и усилий, чтобы „доказать“ финляндское происхождение этих рун. Действительность резко противоречила такому теоретическому построению. Руны Калевалы записаны исключительно в Карелии, в б. Петербургской губ. и в Эстонии. Финляндия оставалась как-будто бы не при чем, и Д. В. Бубрих отмечает: „На западе Финляндии руны Калевалы неизвестны совершенно“ (стр. XII). Это обстоятельство справедливо смущало финляндских буржуазных ученых, но социальный заказ того класса, к которому они принадлежали, заставил их потрудиться над поисками приемлемого выхода из затруднительного положения.

Выход был найден в теории миграций. Буржуазные ученые делают смелое и ответственное, но ни мало не обоснованное заявление: „То обстоятельство, что в Финляндии рун Калевалы нет, ни в малой мере не ослабляет утверждения о западно-финляндском происхождении этих рун“ (стр. XII). Эти выводы некритически приняты Д. В. Бубрихом, который излагает их в лаконической форме, приближающейся к афоризму: „Там их нет, но там они, конечно, были“ (стр. XII).

Построение буржуазной науки чрезвычайно просто. Рун нет, но это ничего не значит. Хотя их нет, но они могли быть. Должны были быть. Были. Только потом произошла передвигалка: руны Калевалы передвинулись на новое место, в Карелию, в Ингрию. При этом буржуазная мысль чрезвычайно грубо вульгаризирует весь этот процесс. Руны передвигались будто бы вместе с переселенцами из Западной Финляндии на восток. Ясно видна политическая подкладка этой теории.

Д. В. Бубрих, некритически следуя финляндским буржуазным ученым, приводит следующий довод в пользу миграции рун в Карелию из Финляндии: „Одна из причин их (рун) проникновения в архангельскую (ухтинскую) Карелию заключалась в переселении туда родов певцов, в частности того рода певцов, к которому принадлежал род Архипа Пертунена (Пертуева)“ (стр. XIII). Это утверждение основано на том соображении, что родовые свойства знания рун, якобы, представляют собою нечто раз навсегда данное, статическое, неизменяемое. Знание рун рассматривается как врожденное свойство рода, совершающее миграцию вместе с ним: как-будто члены рода Пертуевых не могли обучаться рунам на Ухте

в XVIII в. Та же теория миграций применяется и к эстонским рунам: „Картина движения с запада на восток выявлена и по отношению к эстонским рунам“ (стр. XIII).

Западно-финляндское происхождение рун Калевалы буржуазные ученые пытаются обосновать следующими доводами: 1) лексический состав рун, 2) топонимику Калевалы, 3) географическая точка зрения рун Калевалы, 4) следы католицизма в рунах, 5) М. Агрикола приводит имена героев Калевалы как имена западно-финских богов. Все эти доводы основаны частью на грубом искажении фактов, частью на специфическом буржуазном, формальном подходе к материалу. Формальный метод яснее всего вскрывается в анализе лексических материалов. Весь процесс языко-творчества буржуазные исследователи представляют себе статически, а не диалектически. В качестве норматива они берут современный литературный язык финляндской буржуазии и подходят к местным говорам с точки зрения этого языка. Исторические формы местных диалектов представляются им, как „искажения“ западно-финских говоров, легших в основу литературного языка. Д. В. Бубрих, опять-таки некритически следуя буржуазным авторам, отмечает: „Многие слова изуродованы“ (стр. XII), выражая этим мысль, что в Калевале первоначальные западно-финские слова искажены карелами. Объективно он тем самым отрицает диалектику исторического развития финских говоров, например, отказывается допустить равноправное существование и самостоятельное развитие форм „Suden“ и „Susin“ (считает „Susin“ искажением), или, например, отрицает текучесть лексического состава в процессе истории; он стоит за стабильность, неизменяемость таких форм, как hukka, miehen, и т. п.

В рассуждениях о топонимике, географии и о „следах католицизма“ в Калевале финляндские ученые, а следом за ними и Д. В. Бубрих, допускают искажение фактов. Никакой строго локализованной топонимики, которую можно было бы приурочить к узко определенному району, в Калевале нет: Калевала выдерживает очень обобщенный, как бы абстрактный фон, что является вполне понятным, так как мы имеем дело с коллективным творчеством, прошедшим через различные поколения и разные местности Карелии. Конкретных топонимических названий в Калевале немного. В руне 3 упоминается Писа, Хорна, Хелленпюрс, Катракоски, Вуокса, Иматра; в руне 12 — Рутья, в руне 18 — Saksa пролив, в руне 20 — Кеми, в руне 25 — Таника и Виена, в руне 35 — Саво, в руне 47 — Нева и Алуз, в руне 50 — р. Сара. Из этих 15 названий — 3 из восточно-финляндских (Вуокса, области, населенной карелами, Иматра, Саво) 1 лапландское (Рутья), 1 карельское (Кеми), 1 приладожское (Нева), 1 эстонское (Таника), 1 нарицательное (Vienu); последнее не может быть само по себе точно локализовано и собственно означает пролив, широкое устье реки. Но, вместе с тем, по контексту оно обозначает определенную территорию, а именно заселенную карелами часть Беломорья, б. Кемского уезда Архангельской губ.

Таким образом, утверждение финляндских ученых, на основании которых Д. В. Бубрих полагает, что „западные местности в рунах Калевалы употребляются постоянно, изредка с некоторым, совершенно естественным искажением названия; дело касается собственно Финляндии (около г. Або), Сатакунты (около г. Бьернеборга) и некоторых соседних местностей (стр. XII), не соответствует действительному положению вещей.

Столь же неправильно утверждение, будто „географическая точка зрения руна Калевалы совершенно очевидным образом является точкой зрения западной Финляндии“ (стр. XII). Только заранее считая местом создания Калевалы Финляндию, можно говорить, будто „Ruotsi“ в рунах обозначает Швецию“ (стр. XII). Финляндия, как известно, до сих пор в Ухтинской Карелии называется „Ruotsi“ и не потому, конечно, что так говорится в Калевале, а потому, что Финляндия, некогда являвшаяся провинцией Швеции, обозначалась этим названием. Совершенно неправильно утверждение, что Карелия в рунах изображается как чужая, далекая страна (стр. XII). В руне 11 Эстония и Ингрия изображаются как близкие, соседние страны, так же, как в руне 31 (руна о Куллерво) Карьяла и Россия. Страна Суоми (Финляндия) упоминается лишь в руне 39. В руне 50 герои Калевалы прямо локализируются в Карелии: „сын Марьятты“ становится „королем Карьялы“ — места возникновения руна. Самое название „Калевалы“ является вариантом названия „Karjala“, т. е. Карелии.

В прямом противоречии с текстом руна автор помещает Похьолу не на севере, а на юге, отождествляя ее с о. Готландом. Как известно, на о. Готланд нельзя проехать сухим путем, как это делают герои Калевалы. На о. Готланде были также более развитые формы феодализма, исключаяющие столь ясные следы материнского рода, какие Калевала приписывает Похьоле в лице хозяйки Севера „Лоухи“. Отождествление Похьолы с Готландом совершенно неосновательно и беспочвенно. Оно в корне противоречит тексту самой Калевалы.

Столь же неосновательно утверждение Д. В. Бубриха, будто бы в рунах имеются „ясные следы католицизма“ (стр. XII). Напротив, руны целиком проникнуты дохристианскими верованиями. Единственные упоминания о христианских обрядах (крещение) находятся в руне 50 — позднейшей по своей редакции. Также следы позднейших вставок — морализующие рассуждения в христианском духе, помещенные в конце некоторых руна, но не заключающие в себе ничего специфически свойственного католицизму.

Наконец, отметим упоминание героев Калевалы М. Агриколой. Д. В. Бубрих, вслед за финляндскими исследователями, утверждает, что Агрикола приводит их „как имена западно-финских, а не восточно-финских богов“ (стр. XII), тогда как для карельских „богов“ он приводит, будто бы, другие имена (стр. XIX). Однако имя одного из карельских героев (Вироканнас) встречается как раз в Калевале (р. 50). Во всяком случае, сообщения Агриколы о финских „богах“ далеко не достаточны

для утверждения, будто „Агрикола засвидетельствовал бытование руна Калевалы в XVI в. в западной Финляндии“ (стр. XIX). Это явится подменой одних фактов другими: Агрикола говорит об именах древних богов, а буржуазные ученые истолковывают это как сообщение о рунах. Это две совершенно различные вещи.

В той же мере, как миграционная теория, интересы империалистов обслуживает и теория заимствований. Очень печально, что Д. В. Бубрих и в данном случае некритически пользуется при объяснении культурных явлений в Карелии и Финляндии выводами буржуазных ученых. Применяя теорию заимствования, незаметно для самого себя, он лишь повторяет то, что до него пропагандировали финляндские шведоманы. Он напрасно упускает из виду и существование германских фашистских концепций явно политического происхождения. Ведь именно германские фашисты усиленно пропагандируют идею первенства во всем мире „арийской расы“, которую представляют в ее, якобы, наиболее чистом виде германцы. О своеобразном „первенстве“ германцев в Финляндии говорит и Д. В. Бубрих: „Германские поселения по западному и южному побережьям Финляндии древнее финских“ (стр. XIV). Но на каких данных основано это утверждение? Их нет. Между тем германские фашисты могли бы на основании этого заявить о своих „исторических правах“ на Финляндию, как на древнюю вотчину германского народа. Д. В. Бубрих поступил бы гораздо правильнее, если предварительно проверил бы со всей тщательностью те данные, на которые опираются необоснованные фактами заключения, подобные указанному выше. Между тем, некритически усвоив один сомнительный в научном отношении вывод, он строит на нем другой. На основе тезиса об исконном германском населении Финляндии Д. В. Бубрих развивает далее теорию заимствований в применении к Калевале: „Финские конунги, по крайней мере в большинстве, носили германские имена... Об этом же свидетельствуют имена главных героев Калевалы... Часть этих имен бесспорно германская. Другая часть, по всей вероятности, германская, хотя и допускает объяснение из финского языкового материала“ (стр. XIV). Далее Д. В. Бубрих приводит 6 имен из Калевалы и пытается „доказать“ их германское происхождение, основываясь не на палеонтологии речи и не на семантическом анализе слов, а на формальном созвучии: старик Вейнемейнен — от староскандинавского Sveinn (юноша, воин), Каукамойнен — от hauha (высокий), Ахти — от aht (погоня), Ветрикке — от имени Vedrik, Лемминкейнен — от flemving (изгнание), Осмо — от имени Asmundr. В примечаниях он дает еще целый ряд добавлений: „имя Sampsa, повидимому, германского происхождения“, имя Tursas отражает старогерманское thur i)sa“ ... „имя Калевала — германского происхождения (стр. 312), „для Tuoni предполагают германский источник“ (стр. 315), „имя Лоухи происходит из германского (скандинавского) источника“ (стр. 316), „Inkeri это финское название скандинавского происхо-

ждения". „Люлики — ср. имя Людвиг“ (стр. 317), „название Suomi от германского слова Sōm“ (стр. 318), „имя Pigu или Pirku отражает имя германского божества Frigunja, Fergunja“, (стр. 320), „имя Tiega... связано с скандинавским именем, в состав которого входило diuri“ (стр. 320—321), „имя Kullervo... скандинавского „происхождения“ (стр. 321), — „финское kantele отражает балтийское слово“, „имя Lovitar скандинавского происхождения“ (стр. 322), „имя Rapi... во всяком случае иноязычного происхождения“ (стр. 323). В этих толкованиях собственных имен в Калевале Д. В. Бубрих некритически повторяет утверждение финских проф. Э. Н. Сэтэлэ и К. Крона, со своей стороны особенно подчеркивая германское происхождение большинства из имен.

Теория заимствований по существу ничего объяснить не может. Приходится лишь пожалеть, что Д. В. Бубрих всецело ей следует, не догадываясь, очевидно, о настоящем значении этой теории. В том же направлении он действует, подчеркивая „культурную“ роль христианства и пытаясь отыскать наличие христианских явлений там, где их нет. Так, напр.: „название Tiegja является... отражением названия Тивериадского озера в Палестине“ (стр. 316), (стр. 317), „имя Kuirpana... надо связывать с именем католического священника Губерта“, „Нюрикки — ср. имя Георгий, Юрий“ (стр. 317), „Антеро — ср. имя Андрей“ (стр. 318), „название Алуз отражает название Alava järv — Мертвое море“, имя Marjatta и образ девушки, понесшей плод без мужа, отражают имя христианской Марии и сказание о непорочном зачатии“ (стр. 323).

Увеличивать число мнимо-христианских элементов в Калевале было в интересах попов. В разрезе с фактами Д. В. Бубрих заявляет: „Руны Калевалы проникнуты духом католицизма. В них отложилось много средневековых католических легенд. В них много католических имен и образов, частично скрытых от невооруженного глаза (так, многочисленные эпитеты девы Марии стали самостоятельными именами и легко воспринимаются, как имена языческих богинь). Есть все основания думать, что католицизм был именно той средой, в которой руны Калевалы достигли наибольшего своего развития. Католицизм вообще благоприятствовал укреплению эпоса в христианской окраске у недавно обращенных варваров. Развивать эпос католицизм представлял как профессионалам певцам, так и школярам, которые во время своих каникулярных странствований за кусок хлеба и кров развлекали хозяев и их гостей песнями о старине“ (стр. XIII).¹ Все утверждения, приведенные в этой выдержке, резко расходятся

с исторической действительностью. Руны не только не „проникнуты духом католицизма“, но напротив — воспевают дохристианских богов в виде мифических героев, отражают дохристианскую космогонию, абсолютно ничего не говорят ни о церквах, ни о попах, ни о христианстве. Католическая и лютеранская церковь боролась с дохристианской мифологией и всячески искореняла ее.

Не считаясь с фактами феодальной истории, современные буржуазные националисты, сделавшие Калевалу предметом школьного преподавания, стараются внушить учащимся мысль, что руны чуть ли не преподавались встарину в католических школах!. Однако раннее школьное преподавание в католических школах, было сосредоточено на изучении латинского языка и церковной схоластики, а с произведениями „языческой“ поэзии семинаристы должны были бороться, как с бесовским навождением и с исчадием ада. Еще в XVIII в. в Прибалтике имели место судебные преследования заподозренных в колдовстве, оканчивающиеся, обычно, смертью последнего. Католическая, а после нее и лютеранская церковь употребляли все усилия в борьбе с малейшими проявлениями в народной массе как пережитков дохристианских верований, так и с сектантским движением, подрывающим устой церкви и государственности.¹ Не католические школяры пели руны под звуки гусель, а старые деревенские певцы, сохранившие веру в магическое значение песен, как заговоров и заклинаний.

Д. В. Бубрих считает, что все богини, встречающиеся в Калевале, — только отражения единого образа христианской „девы Марии“. Но ведь и католические ученые „доказывают“, что представления „дикарей“ о множестве богов являются не чем иным, как искажением первоначальной идеи единого бога. Никого такие утверждения убедить не могут.

У Д. В. Бубриха отсутствует анализ действительных исторических условий, в которых возникли руны Калевалы. В Калевале имеется несколько циклов рун, сформировавшихся в разное время и в разной среде: цикл рун о Вейнемейнене, о Лемминкейнене, о Куллерво. Д. В. Бубрих считает, что вся Калевала оформилась в феодальном периоде, что ее герои феодальные конунги, совершающие непрерывные походы в соседние страны. С этим совершенно невозможно согласиться. Элементы феодализма сильнее всего проявляются в циклах о Лемминкейнене и о Куллерво. Цикл же рун о Вейнемейнене носит явные следы дофеодального оформления. Его герои — не конунги, не профессиональные воины, а члены сельской общины, лишь недавно выделившиеся из ряда. Д. В. Бубрих чрезмерно подчеркивает наличие

¹ Финляндский проф. Э. Н. Сэтэлэ говорит о рунах Калевалы: „они содержат в себе много, что заимствовано от других народов, именно множество мотивов, принесенных христианством, которые также давали пищу фантазии финского народа“ (см. его статью X, „Das Kalevala als finnisches Nationalepos“. Finnisch-Ugrische Forschungen, 1910, стр. 5).

¹ Особо яркая борьба, принимавшая громадные размеры, велась с суевериями, колдовством и „ведьмами“ в Финляндии в 1668—1677 гг. Этот период изобилует массовыми судебными процессами, причем в 1669 г. церковь сочинила даже особую молитву против сатаны. Наказаниями служили отлучение от церкви целых общин, забивание в колодки ног и т. д.

в Калевале элементов феодализма и, напротив, не замечает пережитков первобытного коммунизма, имеющихся в Калевале.

Мнимые феодальные походы, например, поход трех героев в Похьолу, истолкованы Д. В. Бубрихом как поход финляндских „конунгов“ на о. Готланд. Как это мало похоже на историческую действительность. „Конунги“ Д. В. Бубриха встречаются в качестве феодального же „конунга“ на о. Готланде, ведшем в то время торговлю с Поволжьем, Византией и Германией — „хозяйку Севера“, которая летит оборотнем по воздуху, в виде орла, и сражается с „конунгами“, плывущими без всякой дружины. Д. В. Бубрих не улавливает всей условности, символизма этой сцены, передающей логику и мировоззрение доклассового, а не феодального общества.

Для буржуазных ученых заниматься исследованием Калевалы как источника по истории первобытного коммунизма, значит — опускаться на низший уровень. Гораздо привлекательнее для них разыскивать феодальные подлиги „великих предков“ в условиях классового общества. В изучении феодализма финляндская буржуазия ищет образцов и вдохновения для современности. Д. В. Бубрих забывает об этом и опять-таки некритически повторяет то, что говорили буржуазные исследователи: „Руны Калевалы... изображают события по преимуществу периода финских викингов (с. IX в.). Образы героев Калевалы — это образы викингов, неутомимых воителей, бороздящих моря, озера и реки в поисках военной добычи. Относить возникновение рун Калевалы к более ранним временам нет никаких оснований“ (стр. XIII). Над первобытным коммунизмом ставится крест, и доклассовое общество всюду подменяется феодальным. „Сложение класса феодалов, обладавшего небывалой до тех пор материальной обеспеченностью и небывалыми до тех пор возможностями культивирования таких надстроек, как поэзия, вызвало к жизни не только количественный рост, но, в его результате, и качественное преобразование поэзии“ (стр. XVIII). Итак, руны Калевалы объявляются созданием классового гения феодалов. Это противоречит очевидной действительности, так как руны записаны именно в крестьянской среде. Д. В. Бубрих, очевидно, чувствует, что в его построениях что-то неправильно, но вместо того, чтобы продумать до конца вопрос, он пытается просто обойти встретившееся препятствие: „Зародившись при дворах конунгов, они, в конце-концов, перешли в крестьянскую среду, которая их глубоко переработала соответственно своему хозяйственному укладу и своему меросозерцанию... Смелые воители прошлого в них погружены в туман сказки; но среда и эпоха, которой они принадлежат, в том виде, как записаны, ярки и живы“ (стр. XIX).

Д. В. Бубрих, правда, „критикует“ построения буржуазных исследователей, но его критика не достигает цели, так как она ведется с неверных позиций. Если финляндские буржуазные ученые пытаются отыскать генетические связи с другими, так называемыми финноугорскими народностями, то Д. В. Бубрих ищет те же

связи, но лишь с германцами. С точки зрения марксистской теории это не представляет принципиальной разницы, так как, возражая частично, против финляндского национализма, Д. В. Бубрих подменяет его пангерманизмом. И он совершенно напрасно изображает дело так, что им, яко бы, „нанесен тяжчайший удар тем построениям, которые ищут корней каких угодно культурных явлений в „пранародностях“ с их „пракультурами“ и „праязыками“ (стр. XVI). В действительности он лишь подменяет одну пранародность (финноугорскую) другой (прагерманскую).

В плену буржуазных концепций Д. В. Бубрих остается и тогда, когда отрицает какое бы то ни было отношение карелов к созданию Калевалы.

Как уже выше отмечено, на что указывает также и сам Д. В. Бубрих, ряд положений, в первую очередь истолкование всех имеющихся в Калевале собственных имен, взято из соответствующих работ Э. Н. Сэтэля. Общая же концепция о германском влиянии принадлежит проф. Карлу Крону (см. его статью „Wo und wann entstanden die finnischen Zaubervlieder“, *Finnisch-Ugrische Forschungen*, 1, 901), в противоположность господствовавшим до того установкам о карельском происхождении Калевалы, изображающей карельскую природу, карельскую общественную жизнь в эпоху первобытного коммунизма и раннего феодализма. Еще в конце XIX века, в 1895 г., такой взгляд (Ahlquist'a) высказывался в специальном издании, посвященном Калевале (См. „Kalevala“ II Selitcksiä H. 1895 стр. XXXVI Johdanto).

Общий поворот в общественно-политической жизни Финляндии, в сторону Запада, вызванный черными годами реакции в конце XIX в. в эпоху „Бобриковщины“, вызвал поворот и по линии научной мысли. Финляндия, ориентировавшаяся с середины XVIII в. на Восток доказывавшая, в лице своих общественных деятелей, „губительное влияние“ шведской культуры, ищет теперь новых путей обличения и оправдания бывшему шведскому господству в „добрые старые времена“, даже в ущерб своей национальной культуре.

Работа Д. В. Бубриха „Из истории Калевалы“ является шагом назад в финноугроведении. Другие работы Д. В. Бубриха за последние годы имели определенную установку на марксистское объяснение, в частности, в области языковых явлений. В этом отношении, рецензируемая работа сильно им уступает.

Неправильно истолковав руны Калевалы как произведение феодального общества, Д. В. Бубрих не мог понять их содержания, не мог оценить их в качестве исторического источника для изучения эпохи первобытного коммунизма. Он прошел мимо ясных следов материнского рода, обильно отложившихся в Калевале. Он не понял материальной культуры создателей рун Калевалы, носящей все признаки дофеодальной эпохи. Как согласовать с феодализмом те первобытные способы передвижения, которые имеются в Калевале — полное отсутствие колесных экипажей и сани в качестве средства передвижения, как зимой, так и летом? Магия железа, магия слов и за-

клиниания, древние космические представления — солярные мифы, патриархально-родовое общество — все это осталось незамеченным Д. В. Бубрихом, для которого даже „не с эпохой викингов“ знакомят руны нас, а с эпохами „гораздо более поздними“ (стр. XIX) (Разрядка наша. М. Х. и М. П.), что, кстати сказать, противоречит сказанному им же выше („Образы героев „Калевалы“ — это образы викингов“... стр. XIII). При таком понимании Калевалы, как исторического источника, не приходится удивляться утверждению, будто бы в Калевале „надо всем господствует величавая северная природа с ее миражами, замшелыми скалами, дремучими лесами, непроходимыми болотными топями, бурными потоками, зеркальными озерами“ (стр. XVI—XX). Природа в Калевале дана исключительно с магической стороны, в прикладном ее аспекте. Из зверей названы те, которые имеют магическое значение: неизменно повторяется тройка „белка — куница — горноста́й“ и пара „медведь — волк“. Из деревьев также неизменно повторяются дуб — береза — ель — сосна. Природа дана по выборочному методу, соответственно магическому мировоззрению древнего певца заклинателя.

Д. В. Бубрихом же природа в Калевале воспринята с точки зрения своего собственного мировоззрения, и древний певец рун получил у него образ сентиментального созерцателя „красот природы“. Для первобытного человека природа была неистощимым источником магических сил, с которыми приходилось постоянно вести борьбу, овладевать ими, заклинать, ставить их к себе на службу. Только в этом аспекте и дана природа в рунах Калевалы, а вовсе не в виде созерцательных картин природы.

Не заслуживает положительной оценки и иллюстративная сторона издания. Всего в издании свыше 60 рисунков. Перед иллюстратором стояла ответственная задача противопоставить финляндским художникам-националистам А. Галлену (А. Gallen — Kallela) и др., новое, советское понимание Калевалы. На Калевале выросло и воспитывалось уже не одно поколение финляндских художников. Они дают Калевалу в слащаво идеализированном преломлении. Что же вместо этого дали советские иллюстраторы?

Большой художественной, но буржуазной, культуре, созданной финляндскими иллюстраторами Калевалы, советское искусство должно было противопоставить не менее высокое, свое качество. Иллюстраторы не справились с этой задачей и не создали ничего цельного в художественном отношении. По стилю, по манере изображения рисунки дают полный разнобой и не связаны между собою. Преобладающий уклон — в сторону архаизации. Эта архаизация, чаще всего достигаемая приемами, идущими по линии наименьшего сопротивления — подражением иконописи, лубку. Многопланность изображений, как на старинных иконах, достигается разбивкой поля картины на ряд отдельных участков, в которых размещены разновременные моменты действия.

Д. В. Бубрих направил внимание иллюстраторов в сторону феодализма. Поэтому на рисунках появилось ничем не оправданное изображение феодального замка с каменными башнями. То художник дает своим героям копыта чуть ли не с каменными наконечниками (стр. 182, руна 30), то заставляет их разъезжать в масленичной кошевке (стр. 113, руна 21); на одних рисунках герои Калевалы одеты как эскимосы (стр. 182, руна 30), на других — женщины повязаны по-русски ситцевым платком (стр. 157, руна 26). Художники не понимают того, что в Калевале сани — средство передвижения не только зимой, но и летом, поэтому на стр. 56 к руне 11 иллюстратор изобразил летнее гулянье девушек с непокрытыми головами на снегу, так как в тексте упоминаются сани.

Крайне неудачно изображение древних героев в карикатурном виде, с подчеркнутыми типическими чертами. На рис. „Смерть Лемминкейнена“ (руна 14) дано совершенно карикатурное изображение. Аналогичные физиономии имеются на стр. 175 (к руне 29). Благодарный герой Вейнемейнен, которого финляндские художники, в соответствии с текстом Калевалы, изображают благообразным, величественным стариком, дан также в подчеркнуто карикатурном, шаржированном виде (стр. 32—33, руна 6; стр. 227, рис. 39 и др.). Чрезмерное злоупотребление со стороны художников ироническим отношением к Калевале снижает общее впечатление. В окаркировании первобытно-коммунистического общества нет никакой нужды. Следовало бы показать суровую борьбу доклассового общества с природой и с соседями — борьбу одних родов против других, но сплошь и безоговорочно изображать первобытный коммунизм в плане гротеска и насмешки нецелесообразно, и это вовсе не входит в задачи советских художников. Из рисунков хороши лишь рисунки, вернее орнамент, по верху и, особенно, внизу текста. Для успешного иллюстрирования такого мощного произведения, как „Калевала“ недостаточно оригинальничанья и применения таких внешних приемов, как иконописная манера, стиль лубка или подражание фотоснимкам с аэроплана. Для этого нужны исторические знания — глубокое знакомство с эпохой первобытного коммунизма.

При внешней нарядности, издание Калевалы не лишено признаков небрежности в своем выполнении. Встречаются опечатки, например, на стр. 63, столбец 2, строка 22 снизу, напечатано: „Если кровь из щеки брызнет“ нужно же читать „... из щетки брызнет“. На стр. 88, столбец 1, строка 8 снизу напечатано: „К Маше многие приходят“; нужно — „К Мане многие приходят“ (от слова „Мана“ — подземный мир, преисподняя). Даже в указателе иллюстраций имеется ошибка: рис. 10 — „У хозяйки Похьолы“ помещен не на стр. 274—275, как значится в указателе, а на стр. 246—247.

Все эти промахи снижают внешние достоинства издания, выпущенного в продажу по довольно высокой цене.